

V Международная научная конференция

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Санкт-Петербург

УДК 340 (082)
ББК 67
Г72

Главный редактор: *И. Г. Ахметов*

Редакционная коллегия:

М. Н. Ахметова, Ю. В. Иванова, А. В. Каленский, В. А. Куташов, К. С. Лактионов, Н. М. Сараева, Т. К. Абдрасилов, О. А. Авдеюк, О. Т. Айдаров, Т. И. Алиева, В. В. Ахметова, В. С. Брезгин, О. Е. Данилов, А. В. Дёмин, К. В. Дядюн, К. В. Желнова, Т. П. Жуйкова, Х. О. Жураев, М. А. Игнатова, Р. М. Искаков, И. Б. Кайгородов, К. К. Калдыбай, А. А. Кенесов, В. В. Коварда, М. Г. Комогорцев, А. В. Котляров, А. Н. Кошербаева, В. М. Кузьмина, К. И. Курпаяниди, С. А. Кучерявенко, Е. В. Лескова, И. А. Макеева, Е. В. Матвиенко, Т. В. Матроскина, М. С. Матусевич, У. А. Мусаева, М. О. Насимов, Б. Ж. Паридинова, Г. Б. Прончев, А. М. Семахин, А. Э. Сенцов, Н. С. Сенюшкин, Е. И. Титова, И. Г. Ткаченко, М. С. Федорова, С. Ф. Фозилов, А. С. Яхина, С. Н. Ячинова

Международный редакционный совет:

З. Г. Айрян (Армения), П. Л. Арошидзе (Грузия), З. В. Атаев (Россия), К. М. Ахмеденов (Казахстан), Б. Б. Бидова (Россия), В. В. Борисов (Украина), Г. Ц. Велковска (Болгария), Т. Гайич (Сербия), А. Данатаров (Туркменистан), А. М. Данилов (Россия), А. А. Демидов (Россия), З. Р. Досманбетова (Казахстан), А. М. Ешиев (Кыргызстан), С. П. Жолдошев (Кыргызстан), Н. С. Игисинов (Казахстан), Р. М. Искаков (Казахстан), К. Б. Кадыров (Узбекистан), И. Б. Кайгородов (Бразилия), А. В. Каленский (Россия), О. А. Козырева (Россия), Е. П. Колпак (Россия), А. Н. Кошербаева (Казахстан), К. И. Курпаяниди (Узбекистан), В. А. Куташов (Россия), Э. Л. Кыят (Турция), Лю Цзюань (Китай), Л. В. Малес (Украина), М. А. Нагервадзе (Грузия), Ф. А. Нурмамедли (Азербайджан), Н. Я. Прокопьев (Россия), М. А. Прокофьева (Казахстан), Р. Ю. Рахматуллин (Россия), М. Б. Ребезов (Россия), Ю. Г. Сорока (Украина), Г. Н. Узаков (Узбекистан), М. С. Федорова, Н. Х. Хоналиев (Таджикистан), А. Хоссейни (Иран), А. К. Шарипов (Казахстан), З. Н. Шуклина (Россия)

Г72 **Государство и право: теория и практика** : V Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, январь 2019 г.) ; [под ред. И. Г. Ахметова и др.]. — СПб. : Свое издательство, 2019. — iv, 44 с.

ISBN 978-5-4386-1669-6

В сборнике представлены материалы V Международной научной конференции «Государство и право: теория и практика».

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов юридических специальностей, а также для широкого круга читателей.

УДК 340 (082)
ББК 67

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Венгер М.Р., Маликов Д.А.

Организация воспитания несовершеннолетних в системе исправительных учреждений ГУЛАГ 1

КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО

Ефимова М.И., Манжукова О.А.

О правовом регулировании правового положения человека в России. 4

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Лучинин И.И.

Кодекс об административных правонарушениях: возможные пути модернизации и реформации. 7

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

Михайленко И.А.

Перспективы развития налогообложения доходов физических лиц. 10

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Конопля А.Д.

Понятия «недобросовестность» и «злоупотребление правом»: правовое закрепление. 12

Радчина Ю.М.

Злоупотребление правами в корпоративных правоотношениях. 14

АВТОРСКОЕ ПРАВО И СМЕЖНЫЕ ПРАВА

Губайдуллин Д.М.

Особенности правового обеспечения и защиты товарного знака профессионального футбольного клуба 17

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Коптуров А.М.

Роль переводчика в уголовном процессе 19

Кузнецов А.А.

Полномочия прокурора при отказе в возбуждении уголовного дела. 21

Лучинин И.И., Дорошков В.В. Сравнительный анализ института присяжных заседателей в США и России	26
Половникова И.И. Перспективы примирительной формы разрешения уголовных дел	29
Чепкова Т.В. Международное противодействие преступлениям против личности, совершаемым с особой жестокостью	31

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО, ПЕНИТЕНЦИАРИЯ

Хрущев Я.В., Новикова В.Д. Социальная реабилитация несовершеннолетних после освобождения из мест лишения свободы.....	33
---	----

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Самойлова А.А. Значение Нюрнбергского процесса в развитии прав человека	37
---	----

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Геворгян А.А. Принцип «веляят-е факих» как фундаментальное воплощение духа учения великого аятоллы Хомейни: конституционно-правовая регламентация перехода Ирана от «персидской» к «исламской» монархии	40
---	----

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Организация воспитания несовершеннолетних в системе исправительных учреждений ГУЛАГ

Венгер Максим Русланович, студент;

Маликов Дмитрий Андреевич, студент

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации

В статье проводится историко-правовой анализ особенностей организации воспитания несовершеннолетних в системе исправительных учреждений ГУЛАГ. Авторы рассматривают процесс использования труда несовершеннолетних, ставят вопрос о смещении прерогатив государства от воспитания осужденных к извлечению экономической выгоды. Приводятся статистические данные о количестве несовершеннолетних осужденных в исправительных учреждениях ГУЛАГ, показывается связь в условиях отбывания наказания и смертности детей.

Ключевые слова: исправительные учреждения, ГУЛАГ, трудовой режим, воспитание, несовершеннолетние, производственный план.

Organization of education of minors in the system of correctional institutions GULAG

The article presents a historical and legal analysis of the features of the organization of education of minors in the system of correctional institutions of the GULAG. The authors consider the process of using the labor of minors, raise the question of shifting the prerogatives of the state from the education of convicts to the extraction of economic benefits. The statistical data on the number of juvenile convicts in the Gulag correctional institutions are given, the connection in the conditions of serving the sentence and the mortality of children is shown.

Keywords: correctional institution, the GULAG, the labor regime, the upbringing of minors, the production plan.

В советское время многие аспекты исполнения наказания долгое время по понятным причинам находились в тайне. Учебные пособия, литература, новостные газеты все больше были ориентированы на достижения пролетариата, роль В. И. Ленина в свершении революции и создании мощного государства. Подчеркивалась огромная роль чекистов под предводительством самого Ф. Дзержинского в «трогательной» борьбе с беспорядочностью и создании специальных воспитательных учреждений для несовершеннолетних. С приходом к власти И. В. Сталина коренным образом ситуация не изменилась. В 1930-е годы беспорядочных детей насчитывалось порядка 7 миллионов. Решение этой проблемы стало одной из основных политических задач советского государства. Вызов принял ГУЛАГ. Система функционировала не только для беспорядочников, но и для детей, подвергнутых наказанию в виде лишения свободы. Из детей, попавших в ГУЛАГ, были не только те, которые совершили преступление, но и так называемые «лагерные дети», дети, следовавшие за своими заключенными родителями.

После прихода советской власти были отменены суды и тюремное заключение для несовершеннолетних.

Но Постановление ЦИК и СНК СССР «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних» в некотором роде отмотало страницы истории в обратном направлении. Так, «несовершеннолетних начиная с 12-летнего возраста, уличенных в совершении краж, причинении насилий, телесных повреждений, увечий, в убийстве или в попытках к убийству, привлекать к уголовному суду с применением всех мер уголовного наказания» [3]. Более того, Указом от 10 декабря 1940 г. введено разрешение на расстрел несовершеннолетних с 12-летнего возраста за повреждение... железнодорожных или иных путей».

Количество детей ГУЛАГа резко увеличилось во время «большого террора». 15 августа 1937 года вышел оперативный приказ НКВД СССР, который четко регламентировал действия сотрудников государственной безопасности касаясь изъятия детей. Составлялись два списка: дети дошкольного возраста и дети до 15 лет. Их дальнейшую судьбу определяло решение Особого совещания НКВД СССР [4].

Приведем некоторые статистические данные. Так, в 1927 году 48 % всех заключенных составляли люди в возрасте от 16 до 24 лет. Как видно, в данную группу включены и несовершеннолетние. В ГУЛАГе существовали и дома

младенца. Всего в 1951 г. в таких домах находились 534 ребенка, из них погибло 59 детей. Что же способствовало такой высокой смертности? Данный вопрос никак нельзя оставлять риторическим.

Исходя из статистических данных, в 1940 г. во всех колониях были созданы средние школы для обучения несовершеннолетних по общей семилетней программе [6]. Интересно, что в это время в СССР действовало четырехлетнее обязательное школьное образование. Также, для детей были созданы кружки самодеятельности, где они могли реализовывать свой «творческий» потенциал. В этот период по различным данным в исправительных учреждениях работало около 2500 педагогов и воспитателей. Также в большинстве исправительных учреждений были организованы пионерские отряды и комсомольские организации из состава несудимых воспитанников. На 1 марта 1940 г. в колониях ГУЛАГа насчитывалось 4126 пионеров и 1075 членов ВЛКСМ» [1].

Но со второй половины 30-х годов XX века начало происходить своеобразное смещение прерогатив пенитенциарной политики в отношении несовершеннолетних. На доминирующую позицию стали выдвигаться такие критерии, как режим содержания и использование труда несовершеннолетних. Хотим заметить, что срок обязательного обучения несовершеннолетних в исправительных учреждениях был увеличен по сравнению с общими стандартами обязательного школьного образования совсем не с проста. Данное явление обусловлено стремлением извлечь максимальную экономическую выгоду из принудительного труда детей. При этом задача воспитания отошла на второй план. То есть, по своей сути, изменилось главное направление деятельности исправительного учреждения на простое извлечение экономической выгоды государством.

Организация воспитания несовершеннолетних в системе исправительных учреждений ГУЛАГ преимущественно заключалась в использовании принудительного труда, что нашло отражение в специально изданном приказе НКВД СССР от 3 октября 1936 года № 413. В данном приказе выражались претензии к руководителям исправительных учреждений относительно невыполнения производственного плана. Советское государство с конца 1920-х годов начало открыто эксплуатировать труд заключенных для реализации плана индустриализации страны. К принудительному строительству крупномасштабных объектов, таких как БАМ, Беломорканал, привлекались не только взрослые, но и несовершеннолетние. Их отправляли на самые тяжелые работы, в различных погодных и жизненных условиях. Так, на одном из «островов архипелага ГУЛАГ» в Кабардино-Балкарии на пемзовом руднике

трудилось около 500 детей. Несовершеннолетние вручную отбивали камень, жили в самодельных камышовых бараках. В Чувашии дети работали на сланцевых рудниках. В виду таких условий дети массово гибли.

Руководители НКВД и ГУЛАГа понимали, что отсутствие у несовершеннолетних необходимых трудовых навыков, рабочей специальности не позволит им выполнять работу наравне со взрослыми, но несмотря на это устанавливали для них производственный план.

Тем не менее вероятно, установленный порядок привлечения несовершеннолетних заключенных к труду показался властям излишне мягким. И 11 ноября 1940 г. была внесена корректива в нормы о трудовом режиме данной категории осужденных. Соответствующим циркуляром было установлено: «В целях упорядочения трудового режима несовершеннолетних заключенных, содержащихся в колониях НКВД, и во изменение п. 18 положения о трудовых колониях, установить:

1. Для несовершеннолетних заключенных в возрасте от 12 до 16 лет — 4-часовой рабочий день на производстве (ученических мастерских) и 4 часа занятий в школе.

2. Для несовершеннолетних заключенных в возрасте от 16 до 18 лет — 8-часовой рабочий день на производстве (ученических мастерских) и 2 часа занятий в школе.

3. Отделу колоний для несовершеннолетних УИТК и ТП ГУЛАГа в месячный срок разработать и спустить на места учебный план для школ взрослых, организованных в колониях с контингентом 16—18 лет» [2].

В основе исправления и перевоспитания несовершеннолетних должен был лежать труд, носивший воспитательно-исправительное значение. Вместе с тем условия, в которых работали несовершеннолетние, не позволяли обеспечить должное трудовое воспитание правонарушителей. Организация труда носила примитивный характер. Несовершеннолетних готовили по большей части к ремесленным и кустарным профессиям.

То, что происходило в ГУЛАГе, — это детоубийство в прямом смысле слова. На сегодняшний день открыты далеко не все архивы. Но, когда придет время приоткрыть завесу истории СССР, мы определенно не узнаем обо всех трагических детских судьбах. Непременно, часть информации возможно восстановить по воспоминаниям очевидцев, но, к большому сожалению, их осталось не так уж много. Невозможно описать судьбу каждого, подвергнутого репрессиям, каждого ребенка, лишённого родителей, всех умерших от голода и условий «воспитания» в ГУЛАГе. Но мы обязаны предпринять все возможное, чтобы раскрыть те страшные страницы нашей истории и убрать все вопросительные знаки.

Литература:

1. Шеуджен Нурдин Асланович, Яблонский Иван Владимирович Особенности использования труда несовершеннолетних, приговоренных к лишению свободы, в исправительных учреждениях ГУЛАГа (1935—1940 годы) // Вестник КРУ МВД России. 2017. № 2 (36).

2. Циркуляр НКВД № 270 «О трудовом режиме несовершеннолетних заключенных, содержащихся в колониях НКВД для несовершеннолетних» от 11 ноября 1940 г. // ГАРФ. Ф.9401. Оп. 1а. Д.81. Л. 147.5.
3. Постановление СНК СССР, ЦИК СССР от 7 апреля 1935 года № 3/598 «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних».
4. Оперативный приказ НКВД СССР от 15.08.1937 г. № 00486 «Об операции по репрессированию жен и детей изменников родины».
5. Приказ НКВД СССР от 3 октября 1936 года № 413.
6. От тюрем к воспитательным учреждениям: сб. ст. / под общ. ред. А. Я. Вышинского. М.: Сов. законодательство, 1934. — 430 с.

КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО

О правовом регулировании правового положения человека в России

Ефимова Мария Игоревна, курсант;

Манжукова Олеся Анатольевна, преподаватель

Колледж полиции г. Москвы

Статья посвящена общетеоретическому исследованию правового положения человека в России (РФ). На территории РФ находятся не только граждане данного государства, но и иностранные граждане. Их положение (статусы) отличаются специфическими особенностями, ролью в юридической коммуникации, поэтому отличительно их правовое соотношение.

Ключевые слова: правовое положение человека, правовой статус человека, граждане, правовое регулирование, права и свободы человека.

В наше время практически все государства участвуют в международных отношениях, при этом неотъемлемым для них является наличие двух компонентов: территории и населения, т. е. лиц, проживающих на территории государства и находящихся под его юрисдикцией. В зависимости от их правового положения, указанных лиц можно разделить на группы такие, как граждане государства, граждане других государств (иностранцы), лица без гражданства (апатриды), а также лица с двойным гражданством (бипатриды).

Население любого государства имеет разнообразный статус, по своему количественному составу они также разнообразны, но отношения между ними, а также между лицами и государством, регулируются на основе нормативных актов, в том числе международных, среди которых присутствуют: Всеобщая декларация прав человека (1948 г.), Европейская конвенция о защите прав человека (1950 г.), Декларация ООН о территориальном убежище (1967 г.), Шенгенское соглашение и Дублинская конвенция (оба документа 1990 г.), Хартия Европейского Союза об основных правах (2000 г.) и некоторые другие, их достаточно много и все они направлены на защиту правового положения человека.

Следует отметить, что под правовым положением человека понимаются совокупность прав, свобод и обязанностей, закрепленных законодательством государства, а также гарантии их реализации. Данное понятие характеризует отношение государства к правам и свободам человека, которые следует рассматривать как основу из взаимоотношений [7, с. 36].

В целом, понятие правового статуса человека берет начало с момента принятия Конституции России, а именно с 1993 года, с момента, когда начало развиваться демократическое право. До этого этапа в истории нашей страны

сложно было говорить об указанном понятии и связано это, прежде всего с особенностями развития государства и его правовых норм, а в период дореволюционного или тоталитарного права вообще затруднительно говорить даже об отдельных правах человека.

Следует отметить, что начало конституционному развитию страны, а именно оно закрепляет понятие правового статуса человека, положил Манифест Николая II, изданный 17 октября 1905 г., провозгласивший «основы гражданской свободы, неприкосновенность личности, свободу совести, слова, собраний и союзов». Монарх принимал на себя обязательство не нарушать, охранять права и свободы. Это, конечно, ограниченный, но все же первый в истории России акт о гражданских свободах [8, с. 402].

Позже была принята Конституция РСФСР 1918 г. ставшая первым законодательным актом в истории государства, закрепивший правовой статус человека и гражданина. При этом, каждая следующая Конституция расширяла перечень прав и свобод, но это не гарантировало их реальное применение на практике, т. е. по факту они носили фиктивный характер.

Несмотря на жесткий тоталитарный режим, провозглашение социально-экономических, политических и личных прав закреплено в Конституции СССР 1936 года. Но теоретическое их закрепление сопровождалось некими оговорками, которые делали не возможным их практическое применение, например, право на объединение в общественные организации граждане СССР могли реализовать, только строго «в соответствии с целями коммунистического строительства» [5, с. 15–18].

В 1991 году начался новый период развития правовой системы, ознаменованный признанием прав человека и гражданина, закрепленных в Декларации прав и свобод человека и гражданина. Она полностью соответствовала

международным актам, принятым демократическим мировым сообществом [1]. Многие понятия, применяемые сегодня в теории и практике конституционного права, были закреплены именно в этот период.

Чуть позже, 12 декабря 1993 года в ходе референдума была принята ныне действующая Конституция РФ, как Основной закон государства. Она явилась первой в ряду отечественных конституций, основанной на признании и закреплении общечеловеческих ценностей, а именно, прав и свобод человека и гражданина. Обобщив многовековой опыт развития зарубежных стран, построение демократий, теории и практики правоприменения, Конституция РФ стала исчерпывающим перечнем прав и свобод человека, а статья 2 указанного нормативного акта закрепила права человека высшей ценностью. Полный список, содержательное наполнение, порядок закрепления, а также наличие гарантий обеспечения этих прав и свобод и определяет, качество конституционно-правового регулирования правового статуса личности в России. Охватывая общим взглядом этот каталог, нельзя не заметить его разительное отличие от набора прав и свобод старых, советских конституций, а именно, перечень не просто расширен, перечисленные права и свободы реально гарантирует государство, а если они нарушены, то у нас — граждан России не плохие шансы их защитить.

Кроме того, в качестве правоприменения западных традиций и ценностей учений о Конституции авторы Конституции 1993 года поставили в главе о правах и свободах (2 глава Конституции) на первое место личные права (неотъемлемые, естественные, субъективные), затем политические и только на третье — социально-экономические права, назвав первым из них право частной собственности, о чем в советское время даже было сложно предполагать.

Кроме того, Конституция РФ провозглашает Российскую Федерацию демократическим правовым государством с республиканской формой правления. Идея господства права выражается в статье 1 указанного правового акта. Смысл данной нормы, прежде всего в том, что государство не создает, не дарует людям их права. Наши права неотчуждаемы и принадлежат нам от рождения. Государство берет на себя обязательства не просто признать их, а соблюдать и защищать человека, его права и свободы как высшую ценность, о чем было отмечено ранее.

Целесообразно отметить, что права и свободы человека и гражданина являются основой его правового статуса и определяют смысл, содержание законов, а также деятельности всех ветвей власти, государственных органов и их должностных лиц. Государство, становясь правовым, превращается из аппарата властвования, прежде всего в социальную службу для человека и общества, выражающую их волю и действующую под их контролем, что немислимо без гражданского общества. Таким образом, установление, признание, соблюдение и гарантии защиты нашего правового статуса (прав и свобод человека и гражданина) — обязанность государства [1].

Уже было отмечено, что многие государства участвуют в международных отношениях, не исключение и Россия. Поэтому, наш Основной закон в п. 1 ст. 17 закрепляет, что в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права [1].

Таким образом, Конституция РФ устанавливает, что правовой статус человека и гражданина, прежде всего, строится на нормах международного права, международных принципах, договорах и соглашениях. Это положение дополняет правило п. 4 ст. 15 Конституции РФ, которым установлено, что общепризнанные принципы и нормы международного права (договоры) РФ являются составной частью российской правовой системы.

Более того, именно международные договоры послужили основой для формирования конституционно-правового статуса человека. Вступление России в большее количество международных сообществ придает новый импульс работе по обеспечению прав человека в Российской Федерации.

На международном уровне заложен прочный фундамент правового статуса человека, так Всеобщая декларация прав человека [2], Международный пакт о гражданских и политических правах [3], Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах [4] полно и четко формулируют основы правового статуса человека во всем мире.

Безусловно, Конституция России воплотила в себе большинство основополагающих международных принципов прав человека, а положения, не нашедшие своего закрепления в Основном законе закреплены в национальном законодательстве субъектов России. Кроме того, в 1997 году Россия присоединилась к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, включая протокол № 6, касающийся отмены смертной казни в мирное время. После чего на смертную казнь введен мораторий и внесены соответствующие изменения в уголовное законодательство. Трудно переоценить значение международных норм и конвенций по правам человека — уникальный правовой инструмент, потенциал воздействия которого на национальные системы велик [6, с. 34].

Таким образом, правовой статус человека прошел значительный путь развития. В международном праве оформилась целая отрасли, посвященная правам человека — международное гуманитарное право. При этом, на международном уровне права человека (Human Rights) направлены на защиту индивида, групп индивидов и целых народов в государствах. Их установление, закрепление и реализация в жизнь осуществляются путем заключения международных договоров и соглашений.

Кроме того, правовой статус человека носит естественный и неотчуждаемый характер. Свободное и эффективное осуществление его прав является одним из основных признаков гражданского общества и правового государства.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации // Российская газета № 6299 от 7 февраля 2014 г.
2. Всеобщей декларация прав человека, принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г. // СПС Консультант плюс.
3. Международный пакт о гражданских и политических правах от 19 декабря 1966 г. // СПС Консультант плюс.
4. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах Принят 16 декабря 1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // СПС Консультант плюс.
5. Боброва Н. А. Сильное государство — главная гарантия прав и свобод личности // Омбудсмен: государство и защита прав человека. — М.: Юрист, 2016. — № 1. — С. 15–18.
6. Водолагин С. И. Конвенция о правах человека как составная часть правовой системы России // Российская юстиция. — № 8. — август 2015 г.
7. Зубкова В. С. Конституционное соотношение прав, свобод и обязанностей человека в российском и зарубежном конституционном праве // Конституционное и муниципальное право. — 2015. — № 9. — С. 36–38.
8. Карпов В. А. О некоторых закономерностях построения системы прав и свобод человека и гражданина в РФ в контексте развития правовой государственности // Административное и муниципальное право. 2015. № 7. С. 38–44.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Кодекс об административных правонарушениях: возможные пути модернизации и реформации

Лучинин Иван Игоревич, студент;

Научный руководитель: Кривельская Ольга Валентиновна, кандидат юридических наук, доцент
Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

В статье рассмотрена история кодификации актов, регулирующих административные нормы, проведен анализ действующего Кодекса об Административных правонарушениях Российской Федерации. Освещены проблемные моменты, связанные с регулированием административных отношений. Раскрывается понятие сущности, назначения и принципы наступления административной ответственности. Отображается необходимость модернизации и реформации действующего КоАП, в соответствии с современными реалиями, а также предложены практические пути, которые направлены на усовершенствование законодательства в сфере административно-правовых отношений.

Ключевые слова: административное право, административное правонарушение, административная ответственность, административное законодательство, государственный контроль.

The article shows the history of the codification of acts governing administrative norms, analyzed the current Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. There are some problematic questions which are connected with the regulation of administrative relations. The concept of essence, purpose and principles of administrative responsibility is revealed. Also it is show the need of modernization and reformation of the existing Administrative Code, in accordance with modern realities, as well as suggested practical ways that are aimed at improving the legislation in the field of administrative and legal relations.

Key words: administrative law, delict, administrative offence, administrative responsibility, administrative legislation, public control.

На данном периоде становления нашей страны общественные отношения, и общество в целом развиваются со стремительной скоростью. В процессе развития рыночных отношений, изменений в сфере хозяйственной и политической жизни — увеличилось число составов административных правонарушений, устанавливается ответственность за деяния, которые ранее не считались проступками. В свою очередь, развитие общественных отношений и увеличение числа составов административных правонарушений влечет за собой декриминализацию, ликвидацию устаревших норм, и необходимость реформирования и модернизации действующего Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее — КоАП РФ). Функционирование четкого и понятного процессуального порядка использования норм КоАП, ликвидация устаревших норм, является одной из гарантий их должного применения.

Исследования, проводимые в области административного права, свидетельствуют о том, что сделано достаточно много шагов в направлении развития административного права и, как следствие, имеют место существенные результаты, которые способствуют развитию науки

административного права в целом, а также процессу модернизации и реформации административного права в частности. Последние 25 лет были периодом стремительного формирования законодательства об административных правонарушениях. Если обращаться к истории, то первый кодифицированный свод законов об административных правонарушениях был принят в 1984 году. Во многом он был сформирован благодаря исследованиям и научной деятельности таких советских ученых, как Галаган И. А. [1], Салищева Н. Г. [2], Лунева А. Е. [3] и др. Им стал Кодекс РСФСР об административных правонарушениях, который, в свою очередь, стал базисом Кодекса РФ об административных правонарушениях, принятого в 2001-м году.

20-го декабря исполняется 17 лет с момента принятия Государственной Думой КоАП, и, конечно же, за этот период его текст подвергался колоссальным изменениям, наполнялся новыми пунктами, подпунктами, статьями, главами. Кодекс был дополнен более чем 400 разными федеральными законами, он приобретал более современную форму и содержание, в связи с вносимыми в него изменениями и дополнениями [4, с.21]. Поэтому, несмотря на принятие в 1993-м году Конституции Российской Федерации,

необходимость в модернизации кодекса советского образца назрела и была понятной. Однако, как верно пишут в своей научной работе Авдейко А. Г. и Газизов Д. А.: «...нередко вносимые в КоАП РФ изменения носят бессистемный, хаотический характер, приводят к увеличению количества составов административных правонарушений, что усложняет деятельность правоприменительных органов и негативно влияет на обеспечение прав и законных интересов физических и юридических лиц» [5, с.7].

Л. Л. Попов отмечает, что необходима кардинальная переработка законодательства об административных правонарушениях, в связи с тем, что большое количество запретов были внесены по требованию различных министерств и ведомств, что в свою очередь привело к тому, что КоАП исчерпал возможности к безопасному расширению, которое не приведёт к коллизии норм [6, с. 12]. Вышеуказанные моменты свидетельствуют о том, что очень часто возникает путаница в применении норм КоАП, а это влечет за собой затруднение в обеспечении должной защиты прав граждан. Следовательно, одной из важнейших задач реформирования законодательства об административных правонарушениях является сокращение неоправданных административно-правовых запретов [7]. Считается, что в связи с происходящими изменениями в сфере регулирования административных отношений (в частности, это возникновение новых административно-правовых институтов, таких, как институт государственных закупок, институт государственного контроля и т. д.), движение в сторону упрощения использования норм КоАП является актуальным и оправданным. Модернизация действующего КоАП необходима как для обеспечения единства всех административно-правовых норм, так и для исключения коллизий, возникающих при наступлении административной ответственности.

Следует отметить, что в 2016-м году Государственной Думой Российской Федерации была предпринята попытка принятия нового КоАП, однако, в связи с тем, что законопроект абсолютно не соответствовал общественным ожиданиям, а так же поднимал дискуссионные вопросы между учеными-административистами, которые имели множество замечаний к его содержанию, он не был представлен на рассмотрение федерального органа. Необходимо провести работы по развитию правосудия в отношении административных дел, КоАП РФ должен усилить роль закона в регулировании отношений, связанных с привлечением к административной ответственности и существенно расширить процессуальные гарантии сторон, участвующих в производстве по делам об административных правонарушениях.

Одним из важных вопросов, который необходимо осветить в данной статье, является вопрос, касающийся структуры КоАП, а если точнее — это соотношение его материальной и процессуальной части. Некоторые ученые полагают, что материальные и процессуальные нормы должны сосредотачиваться в одном едином кодифицированном акте. Идея, которую озвучили в своей научной работе Авдейко А. Г. и Газизов Д. А., заключается в единстве

проекта КоАП РФ, объединяющего общую и особенную части, а так же процессуальные нормы, регламентирующие порядок производства по делам об административных правонарушениях, и устанавливающего положения об исполнении административных наказаний. Это, по мнению авторов, позволит обеспечить последовательность и внутреннюю непротиворечивость регулирования всего комплекса общественных отношений, составляющих правовой институт административной ответственности [5, с.9]. Конечно же, все теории имеют право «на жизнь», но можно ли согласиться с таким объединением? Ведь на данный момент имеется именно объединённый Кодекс и именно он является источником проблем в административном праве. С точки зрения противников реформы объединённого КоАП данная реформа не внесёт кардинальных изменений и лишь ненадолго снизит нагрузку на суды и правоохранительные органы, по сути своей данная реформа будет являться косметической. Это может привести к увеличению и без того достаточно обширной базы по регулированию административных отношений. Это может привести только к еще большему увеличению коллизий и правовых противоречий. Но можно заметить, что вносятся предложения по принятию двух и более отдельных кодифицированных актов, которые бы регулировали деликтные, процессуальные и исполнительные сферы административных отношений. Сторонники данной инициативы полагают, что такое решение позволит выстроить логичную, структурированную и детальную нормативную базу в сфере законодательства об административной ответственности, а также предотвратить дальнейшую путаницу в нормах КоАП, коллизионные случаи и позволит ускорить делопроизводство в административном праве [5, с.8].

Если же вести речь о сегодняшних увеличениях количества запретов, ужесточении наказаний, за совершения административных проступков, то считается, что законодатель не идёт верным путём. Последовательно проводимая законодателем политика ужесточения административной ответственности, включающая многократное увеличение административных штрафов, их безальтернативный характер, в значительной степени деформирует механизм административной ответственности, который не может нормально функционировать, если не обеспечиваются соразмерность и индивидуализация наказания. При таких обстоятельствах становится объективно недостижимой одна из основных целей правового регулирования в данной отрасли, состоящая в снижении количества административных правонарушений [5, с. 10]. Учитывая все выше сказанное, при реформации КоАП следует обращать внимание на уменьшение количества составов административных правонарушений. Эта задача может быть решена путём их унификации в одной статье КоАП. Значительным упрощением данного вопроса может стать внесение изменений в КоАП, которые будут регулировать ответственность за нарушение норм в смежных отраслях (таких как семейное право, жилищное, гражданское, земельное и другие).

Сложно не согласиться с мнением Кононова П. И., который говорит, что на федеральном уровне необходимо, наконец, выработать и утвердить государственную административно-деликтную политику, которая бы определяла единые подходы, критерии и требования к введению административной наказуемости за нарушения тех или иных требований действующего законодательства. Ученый считает, что соответствующие законопроекты должны проходить специальную юридическую экспертизу на предмет их целесообразности и необходимости установления административной ответственности [8, с.29].

Одним из важных шагов в процессе реформирования КоАП является новый взгляд на ответственность юридических лиц за совершение административных правонарушений, который будет соответствовать современным реалиям. Как известно, Кодекс РСФСР об административных правонарушениях не содержал таких норм. Это и не удивительно, ведь в советское время практически все организации имели статус государственных, а это, в свою очередь означало бы абсурдное применение государством санкций к самому себе. Действующий КоАП хоть и имеет статьи, которые регулируют ответственность юридических лиц, но четкое определение понятия такого лица заимствуется из Гражданского Кодекса. Такое положение дел не является допустимым, потому что по данным Вестника государственной регистрации [9] в Российской Федерации зарегистрировано более 6 мл. юридических лиц, большая часть из которых являются частными. Поэтому наиболее актуальной задачей была бы разработка и внесение новой дефиниции юридических лиц в КоАП, которая целиком и полностью описывала бы понятие юридического лица с точки зрения административно-правовых отношений. Кроме того, принимая во внимание, что юридические лица привлекаются к административной ответственности, как правило,

по результатам проведенных в отношении них мероприятий по государственному контролю, считается необходимым предусмотреть в процессуальной части КоАП РФ или же в отдельном административно-процессуальном кодексе специальные основания и правила возбуждения, в отношении указанных лиц, дел об административных правонарушениях, связав их с нормами действующих федеральных законов.

Воплощение в жизнь всех предложений, с нашей точки зрения, позволит в полной мере реализовать такие основные принципы права, как справедливость применения норм, равенство в применении санкций как к юридическим, так и к физическим лицам, индивидуализация в применении штрафов за нарушение административных норм. Верховенство прав человека, гуманизм, принцип законности и взаимной ответственности человека и государства, равенство и справедливость — должны стать базисом процессов модернизации и реформации административного кодекса. Только если в основу будут заложены эти принципы — можно будет говорить о существенных изменениях в правовом регулировании данного вида отношений.

Если суммировать все выше сказанное, то можно сделать выводы, что вектор работы контрольных и законодательных органов выбран верно. Можно с уверенностью сказать, что очередные этапы по реформированию и модернизации системы российского административного законодательства позволят поднять на качественно новый уровень защищенность прав и свобод человека и гражданина. Будем надеяться, что работа ученых в сфере развития административных отношений не останется без внимания. Предложения, вносимые в рамках научных работ, статей и конференций, будут иметь воплощение в реальной жизни, а не останутся написанными исключительно на бумаге.

Литература:

1. Галаган, И. А. Административная ответственность в СССР (государственное и материально-правовое исследование) / И. А. Галаган. — Воронеж, 1970.
2. Салищева, Н. Г. Административный процесс в СССР / Н. Г. Салищева. — М., 1964.
3. Лунев, А. Е. Административная ответственность за правонарушения / А. Е. Лунев. — М.: Госюриздат, 1961. — 186 с.
4. Стариков, Ю. Н. Модернизация законодательства об административных правонарушениях: предпосылки, возможности и перспективы / Ю. Н. Стариков // Правопорядок: история, теория, практика. — № 1 (4). — 2015. — С.20–28.
5. Авдейко, А. Г., Газизов, Д. А. Законодательство об административных правонарушениях: реформа или модернизация / А. Г. Авдейко, Д. А. Газизов // Вестник Омской юридической академии. — 2017. — С. 6–14.
6. Попов, Л. Л. Материальные и процессуальные проблемы совершенствования законодательства об административных правонарушениях / Л. Л. Попов // Вестник Университета им. О. Е. Кчтафина. — 2014. — № 2. — С.12–17.
7. Майоров, В. И. Безопасность дорожного движения: концептуальный взгляд / В. И. Майоров // Сборник избранных научных трудов. — Челябинск: СитиПринт. — 2015.
8. Кононов П. И. О некоторых актуальных направлениях модернизации законодательства Российской Федерации об административной ответственности // Вестник Омской юридической академии. 2017. С. 27–32.
9. Вестник государственной регистрации // статистика юридических лиц: сайт: Москва, 1996–2018. URL: http://www.vestnik-gosreg.ru/info_ul/?tab=statAll (дата обращения: 04.12.2018).

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

Перспективы развития налогообложения доходов физических лиц

Михайленко Ирина Александровна, студент
Тюменский государственный университет

Важнейшим принципом для построения правового социального государства является принцип справедливости, критериями которого являются пропорциональность и соразмерность. Особое значение данный принцип приобретает тогда, когда речь идет о сфере налогового права, регулирующего отношения по отчуждению части имущества в пользу государства, в том числе о налогообложении доходов физических лиц.

В первую очередь отметим, что на сегодняшний день разработаны две основные системы налогообложения физических лиц: пропорциональная и прогрессивная. Пропорциональная система налогообложения предполагает, что независимо от размера налоговой базы налоговая ставка остается неизменной (плоской). Прогрессивное налогообложение доходов физических лиц означает, что с увеличением налоговой базы увеличивается и налоговая ставка.

В России с 2001 г. введена пропорциональная система налогообложения [2], однако до настоящего времени не прекращаются дискуссии о целесообразности и справедливости применения этого института в нашем государстве [3]. Современная фискальная система фактически возложила налоговую нагрузку на рядовых граждан. Установленная 13% ставка налога на доходы является не единственным бременем для физических лиц: также они уплачивают налог на имущество, земельный налог, транспортный налог и косвенные налоги в виде НДС и акцизов, которые являются составной частью стоимости товаров и услуг, в связи с чем для России все еще остается справедливым замечание дореволюционного специалиста в области финансового права В. А. Лебедева: «истинная податная сила заключается в простом народе, а не высших его классах» [4, с. 53].

Переход на плоскую шкалу еще больше увеличил дифференциацию доходов населения Российской Федерации: в настоящее время разрыв между реальными доходами различных слоев вырос в 25 раз. В России 1% граждан, получающих 45% общего дохода, уплачивают в бюджет ничтожно малые суммы, в то время как в США 1% богатейших граждан уплачивает в доход государства 40% от всех поступлений [1, с. 12].

Такое положение негативно сказывается на социально-экономической ситуации в стране: снижение доходов граждан приводит к усилению напряженности в обществе, является барьером для увеличения благосостояния населения,

уменьшает покупательский спрос, что препятствует экономическому росту. Изложенное позволяет сделать вывод о назревшей необходимости пересмотра системы налогообложения доходов физических лиц в России.

Несмотря на существующие благоприятные условия для перехода к пропорциональной системе налогообложения доходов физических лиц, когда в условиях внешней экономической изоляции властям необходимо обратиться к внутренним ресурсам, Правительство Российской Федерации дает отрицательные заключения на законопроекты, предлагающие введение дифференцированной ставки, а Государственная Дума отклонила уже практически два десятка подобных инициатив. Действующий Президент также неоднократно высказывал негативное отношение к прогрессивной системе налогообложения доходов физических лиц. Так, на Большой пресс-конференции для журналистов 2016 года В. В. Путин отметил, что социальная справедливость может быть достигнута и другим способами — без изменения плоской шкалы подоходного налога [5].

В то же время, не все органы государственной власти негативно оценивают возможность использования пропорциональной системы налогообложения. Так, Конституционный Суд Российской Федерации не раз выражал положительное отношение к прогрессивному налогообложению, указывая, что именно такая система отвечает принципам справедливости и равенства, позволяет учесть фактическую способность к уплате налога. Впервые данный тезис был озвучен в особом мнении судьи М. В. Баглая к Постановлению от 04.04.1996 № 9-П [6]. В Определении от 20.11.1998 № 152-О этот подход поддержал и сам Конституционный суд: «установление... для граждан с различным уровнем дохода одинаковой ставки подоходного налога ... противоречило бы принципу справедливости и обязанности государства обеспечить повышенную социальную защищенность малоимущих граждан» [7].

На наш взгляд, прогрессивная система налогообложения является наиболее оптимальной и отвечающей идеям справедливости. Все индивиды имеют одинаковые минимальные биологические потребности, требующие равного количества денежных средств для их удовлетворения, в связи с чем граждане, имеющие меньший доход должны уплачивать меньший размер налога, чтобы иметь возможность для улучшения качества своей жизни.

К основным преимуществам прогрессивного налогообложения следует отнести следующие факторы: способствует повышению темпов роста (в том числе через рост покупательской способности большей части населения); смягчает имущественное неравенство членов общества, вследствие чего снимает социальную напряженность; ведет к увеличению поступлений НДФЛ; способствует социально-культурному прогрессу; позволяет более эффективно учитывать способность к уплате налога, а значит является более справедливым.

На наш взгляд, невозможно сохранить плоскую шкалу налогообложения только из-за трудностей в борьбе с недобросовестными агентами, а также сложностей в наведении

порядка в формах оплаты труда граждан. Недостатки налогового администрирования не должны стать препятствием к установлению справедливости в вопросе налогообложения.

Представляется, что прогрессивная система налогообложения имеет качественные преимущества перед пропорциональной, являясь более справедливой и отвечающей идеям социального государства. Однако задача индивидуализации ставки налога в зависимости от размера дохода граждан не сводится к тому, чтобы отобрать у богатых и отдать бедным. Необходимо выстроить такую налоговую систему, которая будет способствовать снижению расслоения населения по уровню обеспеченности и экономическому положению.

Литература:

1. Осипова Е. С. Прогрессивное налогообложение доходов как условие социальной справедливости // *Налоги*. — 2016. — № 1. — С. 10–16.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // *Российская газета*. — 1998. — № 148–149.
3. Пансков В. Г. Прогрессивная или пропорциональная шкала налогообложения: что справедливее и эффективнее? // *Экономика. Налоги. Право*. 2017. № 2. С. 105–112.
4. Лебедев В. А. *Финансовое право*. СПб., 1882. Т. I. С. 436–437. Цит. по: Исаев А. А. *Очерк теории и политики налогов*. М., 2004. — 174 с.
5. «Нужно быть поскромнее, не раздражать народ»: пресс-конференция Путина онлайн. [Электронный ресурс] // *Московский комсомолец: Интернет газета*. URL: <http://www.mk.ru/politics/2016/12/23/presskonferenciya-prezidenta-vladimira-putina-onlayn.html> (дата обращения: 20.10.2018).
6. По делу о проверке конституционности ряда нормативных актов города Москвы и Московской области, Ставропольского края, Воронежской области и города Воронежа, регламентирующих порядок регистрации граждан, прибывающих на постоянное жительство в названные регионы: Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 04.04.1996 № 9-П // *Вестник конституционного Суда РФ*. — 1996. — № 2.
7. По жалобе гражданина Лабутичева Игоря Валерьевича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 6 Закона Российской Федерации «О подоходном налоге с физических лиц»: Определение Конституционного суда Российской Федерации от 20.11.1998 № 152-О [Электронный ресурс]. — Документ опубликован не был. — Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 20.10.2018).

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Понятия «недобросовестность» и «злоупотребление правом»: правовое закрепление

Конопля Анна Дмитриевна, студент

Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Краснодар)

Ключевые слова: злоупотребление правом, недобросовестность, правоотношения, участники правовых отношений, гражданское законодательство.

С принятием Федерального Закона от 30.12.2012 года № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» произошло реформирование института гражданского законодательства — пределы осуществления гражданских прав. Существенное изменение имеет п. 1 статьи 10 Гражданского Кодекса Российской Федерации: «Не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом)» [1]. Задача, поставленная законодателем, определяет один из главных принципов начал гражданского законодательства: принцип добросовестности поведения участников гражданских правоотношений. В пунктах 3 и 4 статьи 1 Гражданского Кодекса Российской Федерации устанавливаются основные требования такого поведения: при вступлении, установлении, изменении и исполнении гражданских обязанностей каждый должен действовать добросовестно, не извлекая преимущество и выгоду [1]. В современной юридической практике данный принцип нарушается наиболее часто, что приводит к недобросовестности поведения и злоупотреблению правом своего субъектного положения. Проведенный анализ норм гражданского законодательства и правовых позиций высших судов Российской Федерации позволяет сделать вывод и выявить теоретические и практические проблемы права — в теоретических положениях отсутствует закрепление понятия «недобросовестность» и основывающееся на нем понятие «злоупотребление правом» как нарушение принципа добросовестности участников гражданских правоотношений.

В гражданском праве с развитием института добросовестности участников правоотношений были выделены признаки, которые характерны для недобросовестного поведения как правовой категории. В ее основе лежат теоретические и практические отражения характеристик, которые влияют на построение понятия «недобросовестное поведение» и «злоупотребление правом» в целом.

К главным признакам вышеуказанных понятий относятся:

1. Осуществление действий, отрицающих правомерность и влекущих изменение цели и роли взаимодействия субъектов.

Е. Суханов отмечает, что субъект недобросовестен в том случае, если, совершая действие, он знал или мог знать о фактах, делающих его поведение упречным с точки зрения закона [2]. В данном высказывании автор делает акцент на волевом и осознанном характере своего поведения, то есть автор связывает понятие «злоупотребление правом» и «недобросовестность поведения» с проявлением субъективного права. Научная мысль предусматривает тем самым использование своего субъективного права, но в противоречие указанной цели достижения правового результата, объективно нарушая права, интересы и свободы. Можно сделать вывод, что субъект, не обладающий полным составом субъективного права (наличие правосубъектности и полной дееспособности), не может в силу своего законного статуса злоупотреблять правом, а если может, то последнее не может считаться таковым.

2. Причинная связь между действием и последствиями осуществления субъектного права. Данный признак важен, если речь идет о доказывании факта совершения таких волевых действий, которые являются недопустимыми и противоправными. Это выражается в определении вида злоупотребления права и проявления недобросовестности: скрытое злоупотребление, которое не характеризуется явной противоправностью и характеризуется такой противоправностью, которая оказывает влияние на формирование предпосылок правонарушения [3]

3. Последствия, которые выражаются в нарушении прав и законных интересов иной стороны — действие вопреки интересов общества и государства. П. 1 статьи 10 Гражданского Кодекса Российской Федерации выражает данный признак как запрет: не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное

осуществление гражданских прав (злоупотребление правом) [1], а также отражает применение института гражданской ответственности: если злоупотребление правом повлекло нарушение права другого лица, такое лицо вправе требовать возмещения причиненных этим убытков [1].

Таким образом, можно сделать вывод, что злоупотребление правом — это проявление волевого осознанного действия, выражающегося в недобросовестном поведении, вследствие которого субъект действует с противоправной целью осуществления своего субъективного права и нарушением прав и интересов другой стороны.

Для стороны, в отношении которой происходит злоупотребление правом важным остается момент практического доказывания. Верховный Суд Российской Федерации в Постановлении от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» обозначил, что необходимо применять принцип презумпции добросовестности поведения заинтересованной стороны в защите своего права: происходит доказывание заинтересованной стороны своего добросовестного поведения и недобросовестного поведения другой стороны. В данном Постановлении Верховный Суд указывает на злоупотребление правом по замещающей сделке, где должник вправе представить доказательства того, что кредитор действовал недобросовестно и (или) неразумно и, заключая замещающую сделку, умышленно или по неосторожности содействовал увеличению размера убытков, причиненных неисполнением или ненадлежащим исполнением, либо не принял разумных мер к их уменьшению (пункт 1 статьи 404 ГК РФ). Например, должник вправе представлять доказательства чрезмерного несоответствия цены замещающей сделки текущей цене [4].

Недобросовестное поведение может быть признано таковым, когда субъект использует недозволенные средства и способы осуществления своего права, которые не предусмотрены ни договором, ни законодательством Российской Федерации. Данную позицию представляет Верховный Суд Российской Федерации в Определении от 26.12.2017 № 4-КГ17–63, устанавливая, что поведение одной из сторон может быть признано недобросовестным не только при наличии обоснованного заявления другой стороны, но и по инициативе суда, если усматривается очевидное отклонение действий участника гражданского оборота от добросовестного поведения. В этом случае суд при рассмотрении дела выносит на обсуждение обстоятельства, явно свидетельствующие о таком недобросовестном поведении, даже если стороны на них не ссылались [5]. Таким образом, проявляется главный принцип осуществления и защиты гражданских прав — невозможность извлечения преимущества из незаконного или недобросовестного поведения, выходящего за рамки предоставленных прав. Добросовестной стороне необходимо доказать недобросовестность поведения злоупотребляющего субъекта (установить факты и действия, повлекшие нарушение

субъектного права, законодательства и договорных обязательств), свою добросовестность поведения (попытки досудебного урегулирования правоотношений).

Для определения правовой природы злоупотреблением правом следует указать, где происходит наиболее частое выражение форм недобросовестного поведения на современном этапе развития национального законодательства.

1. Злоупотребление правом как следствие недобросовестности использования гражданских прав в договорных правоотношениях.

Договорные правоотношения являются источником выражения принципа равенства правового положения субъектов, их прав и обязанностей в исполнении обязательств. Пункт 1 статьи 10 Гражданского Кодекса не допускает использование гражданских прав в целях ограничения конкуренции, а также злоупотребление доминирующим положением на рынке [1]. В основном данная норма распространяется на разрешение споров между субъектами, которые осуществляют предпринимательскую деятельность или вступают в гражданские правоотношения с таким лицом, который имеет большую экономическую стабильность или влияние. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2018) представляет разъяснение вышеуказанной статьи: С учетом положений ч. 1 ст. 2 Закона о защите конкуренции [7], пп. 3–4 ст. 1 [1], абзаца второго п. 1 ст. 10 ГК РФ [1] это означает, что на хозяйствующих субъектов, занимающих доминирующее положение, возлагается общая обязанность воздерживаться от такого использования своей рыночной силы, которое бы приводило к негативным последствиям для конкуренции и (или) непосредственному причинению ущерба иным участникам рынка, включая потребителей, извлечению выгоды из использования доминирующего положения в отношениях с ними [6].

2. Злоупотребление правом вследствие заключения и совершения кабальной сделки, сделки под влиянием обмана.

Как указано в пункте 1 статьи 179 Гражданского Кодекса Российской Федерации кабальной сделкой признается сделка, совершенная на крайне невыгодных условиях, которую лицо было вынуждено совершить вследствие стечения тяжелых обстоятельств, чем другая сторона воспользовалась таким положением [1]. Для стороны, в отношении которой произошло злоупотребление правом, важно доказать, что условия соглашения между субъектами не являются равными в определении конклюдентных действий и применении способов обеспечения обязательств. Верховный Суд Российской Федерации в Определении от 07.02.2017 № 4-КГ16–69 определяет признак кабальной сделки и сделки, совершенной под влиянием обмана: поведение лица после заключения сделки давало основание другим лицам полагаться на действительность сделки [8].

3. Злоупотребление правом вследствие действий юридических лиц в противоречии целям своей деятельности.

О таком вопросе свидетельствует статья 173 Гражданского Кодекса Российской Федерации Статья 173 Гражданского Кодекса: сделка, совершенная юридическим лицом в противоречии с целями деятельности, определенно ограниченными в его учредительных документах, может быть признана судом недействительной по иску лица, в интересах которого установлено ограничение, если доказано, что другая сторона сделки знала или должна была знать о таком ограничении [1]. Наиболее часто превышение своего права происходит при заключении договоров с «навязыванием услуг или работ», которые не предусмотрены и не указаны в сфере деятельности юридического лица. Например, добровольно-принудительное страхование при предоставлении потребительского кредита (займа). Роспотребнадзор в защиту Закона «О защите прав потребителей» разъясняет, что условия договора потребительского кредита (займа) должны быть индивидуально согласованы кредитором и заемщиком

и содержать только существенные условия такого вида договоров без заключения иных договоров, требуемых для заключения или исполнения договора потребительского кредита (займа) [9].

Таким образом, следует сделать вывод, что, становясь участниками гражданских правоотношений, субъекты осуществляют правомерные и неправомерные действия для достижения собственных интересов. Именно определение неправомерных действий, которые выражаются в волевом осознанном характере выполнения, становятся элементом недобросовестного поведения, которое проявляется в злоупотреблении правом. Основной проблематикой защиты прав и интересов остается законодательное усовершенствование мер и способов, которые применяет субъект для признания действия другой стороны недобросовестными, а также установление четко выраженного понятия «злоупотребление правом», «недобросовестное поведение» и «способы доказывания злоупотребления правом».

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ в ред. ФЗ 23.05.2018 года № 120-ФЗ// «Собрание законодательства РФ». — 1994. — № 32. Ст. 3301.
2. Суханов Е. А. Осуществление прав и исполнение обязанностей: Гражданское право (учебник)// 3-е изд., перераб. и доп. — М.: 2008. — Том 2. — 496с.
3. Скакун О. Ф. Теория государства и права: Учебник -Харьков: Консум; Ун-т внутр. Дел, 2000. — 704 с.
4. О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств: Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2016 № 7 в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 07.02.2017 № 6// «Российская газета». — 2016. — № 70.
5. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 26.12.2017 № 4-КГ17–63// СПС «Консультант Плюс».
6. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2018) утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 28 марта 2018 г. //СПС «Консультант Плюс».
7. О защите конкуренции: Закон РФ от 26.07.2006 года № 135-ФЗ в ред. ФЗ от 04.06.2018 № 135-ФЗ// «Собрание законодательства РФ». — 2006, — № 31 (1 ч.). Ст. 3434.
8. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 07.02.2017 № 4-КГ16–69// СПС «Консультант Плюс».
9. Роспотребнадзор разъясняет: добровольно-принудительное страхование при предоставлении потребительского кредита (займа) незаконно: Информация Роспотребнадзора от 21.04.2015 года/ Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте <http://www.rospotrebnadzor.ru> по состоянию на 29.01.2018.// СПС «Консультант Плюс».

Злоупотребление правами в корпоративных правоотношениях

Радчина Юлия Михайловна, студент магистратуры
Тамбовский государственный технический университет

В статье поднимаются проблемы определения понятия злоупотребления корпоративными правами, а также выявляются последствия, вызванные нечетким закреплением такого понятия в законодательстве. Приводятся признаки и характерные черты, свойственные корпоративному злоупотреблению.

В статье выделяются примеры из правоприменительной практики, отражающие отдельные способы злоупотребления, а также решаются вопросы отграничения такого деяния от правомерного осуществления прав.

Подтверждена особая ценность разъяснений высших судебных органов в части использования норм законодательства, регулирующих корпоративную ответственность. Установлено, что не всякая реализация прав участника, противоречащая интересам других членов, является таким нарушением.

Ключевые слова: злоупотребление, участники корпорации, вред обществу, корпоративный интерес, управление корпорацией.

Проблемы злоупотребления правом давно привлекают внимание ученых. Большие сложности, в частности, вызывает определение самого понятия злоупотребления. На данный момент в России пока нет устоявшегося правового опыта борьбы с такими правонарушениями: до распада СССР в стране не существовало даже понятия корпорации.

Многие из проблем в области злоупотреблений правами можно предупредить с помощью действенного и внутренне согласованного законодательства. В данный момент в России существует большое множество правовых актов, так или иначе имеющих отношение к решению подобных споров, а также неоднозначная судебная практика. Нечеткость определения «злоупотребление правами» приводит к тому, что многие дела в судебном процессе при рассмотрении соответствующих споров решаются судьей на базе личного усмотрения.

Как указывает Д. В. Гололобов, при осуществлении злоупотребления права, принадлежащие участнику по праву обладания акциями, реализуются с ущербом для интересов других участников корпорации. Гранью, отделяющей обычную реализацию своих прав от злоупотребления, вышеуказанным исследователем называется достижение такого момента, когда масштаб ущерба от деяния вызывает общественную опасность для остальных участников и всего общества. Участник общества может законно реализовывать свои субъективные права акционера только принимая во внимание интересы прочих акционеров и всего АО [10, С. 25]. Злоупотреблять корпоративными правами — значит нарушать нормальные основы деятельности хозяйствующего субъекта, необоснованно подрывать обычности и т. п.

Злоупотребление правами можно определить и как деяния, приносящие вред и убытки общему корпоративному интересу. Так, злоупотребляющий акционер извлекает личную выгоду, принося ущерб такими деяниями всей корпорации, следовательно, и другим ее членам.

Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 24 мая 2012 года (далее «Обзор») содержит подтверждение тому, что усмотрение субъекта, который обладает несущественным числом голосов, при принятии решений не обязательно влияет на исход голосования [5]. Главное, что обязаны обеспечивать все участники корпорации, абстрагированно от процентной доли, принадлежащей им в уставном капитале общества — осуществлять все действия внутри корпорации строго в едином корпоративном интересе.

Таким образом, учитывая точку зрения высшей судебной инстанции, становится очевидным, что в корпоративном праве вовсе не обязательно все участники при управлении обладают равными полномочиями. Влияние участника на исход голосования может быть как определяющим, так и не проявляться совсем. Разумеется, это не затрагивает

принципа того, что одна обыкновенная акция наделяет своего обладателя таким же объемом прав, что и другая обыкновенная акция. Дело состоит лишь в количестве голосов, который участник может подать за принятие нужного решения в общем голосовании. Получается, что владелец контрольного пакета акций, фактически единолично решающий все важные вопросы управления корпорацией, не будет совершать злоупотреблений своими правами в отношении других акционеров. Так, рассматриваемое правонарушение должно отвечать специальным признакам: это не любое действие, ущемляющее прочих участников.

Критерием отграничения злоупотреблений от реализации своих законных правомочий следует назвать признак законности самого деяния. Так, при столкновении интересов участников силу имеет законный интерес перед незаконным. Споры, в которых связано несколько законных заинтересованностей, стало быть, решаются в соответствии с законом, регламентирующим соответствующую область общественных отношений.

Незаконное осуществление прав индивидуального принятия решения, однако, в некоторых случаях способно принести корпорации вред. Так, признаком злоупотребления считается реализация права явно не в соответствии с целями получения юридическим лицом прибыли, но с посторонними стремлениями, нарушающими права других участников. Примером такого деяния может быть требование держателя контрольного пакета акций о включении всеми участниками дополнительного вклада в капитал, если внесение таких сумм остальными акционерами объективно невозможно в установленные сроки или по другим причинам. За невнесение такого вклада общество может обратиться в суд, фактически инициируя устранение участника от деятельности общества. Так, решение общества о внесении участниками дополнительных вкладов может быть направлено не на обеспечение прибыльного функционирования общества, а на удовлетворение других интересов. При выявлении факта злоупотребления обязательно учитывается, объективно ли была продиктована потребность общества в дополнительном имуществе ввиду негативного финансового положения корпорации. Такой факт должен подтверждаться заключением ревизионной комиссии на основании бухгалтерского баланса и годового отчета.

Закон дает возможность исключать участников, если те мешают нормальной деятельности корпорации. Обзор доказывает, что неполный взнос суммы в капитал общества — не повод исключать из общества. Для такого случая закон установил возможность отхода неоплаченной части доли участника к обществу.

Незаконное осуществление прав в корпоративных отношениях может проявляться также в неявках участников на общие собрания, а иногда и в выборе варианта ответа в голосовании: когда такой голос «за» или «против»

явно не обоснован и преследует не общий корпоративный, а личный интерес участника. Обзором предусмотрено, что исключить злоупотребляющего подобным способом участника будет правомерно лишь в том случае, когда соблюдены все особенности подготовки общего собрания (надлежащее извещение участника о датах и времени, точном месте). Помимо того указано, что должна существовать связь между намеренным избеганием общего собрания (как причиной) с наступившими вредными для общества результатами (последствием). Также, привлечь

к ответственности за неправомерную неявку на общее собрание можно только в том случае, если в результате оказалось невозможно принять решение, которое обладало существенной хозяйственной значимостью.

Следует заключить, что злоупотребление правами в корпоративных отношениях способно принимать самые различные формы и виды. Базовой целью при рассмотрении споров такой направленности является точное отграничение правомерной реализации участником корпорации собственных прав от действительного нарушения.

Литература:

1. Российская Федерация. Законы. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ [Текст]: [федер. закон: принят Гос. Думой 24.06.2002 г.: по состоянию на 25.11.2018 г.]. — М.: Собрание законодательства РФ, 2002. № 32. Ст. 3301.
2. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ [Текст]: [федер. закон: принят Гос. Думой 21.11.1994 г.: по состоянию на 25.11.2018 г.]. — М.: Собрание законодательства РФ, 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Российская Федерация. Законы. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ [Принят Гос. Думой 27 сен. 2002 г.]. — М.: Собрание законодательства РФ. 28.10.2002. № 43. Ст. 4190.
4. О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации [Текст]: [Постановление Пленума ВАС РФ № 8 от 01.07.1996] — М.: Вестник ВАС РФ. № 9. 1996.
5. Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с исключением участника из общества с ограниченной ответственностью [Электронный ресурс]: [Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 24.05.2012 № 151]. URL: http://www.arbitr.ru/as/pract/vas_info_letter/55530.html
6. Об утверждении обобщения судебной практики о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности в делах о банкротстве [Электронный ресурс]: [Постановление Президиума Арбитражного Суда Республики Марий Эл № 41/13 от 15 июля 2013 года]. URL: http://mari-el.arbitr.ru/sites/mari-el.arbitr.ru/files/pdf/2013_subsidiarnaya.pdf (дата обращения: 25.11.2018).
7. Решение Арбитражного суда Тамбовской области от 10.06.2011 г. по делу № № А64—3819/2011; [Электронный ресурс]. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/7a4f71e2-d15a-4ac2-b3ca-f822821fd2cf/A64-3819-2011_20110610_Reshenie.pdf (дата обращения 25.11.2018)
8. Антонова Н. А., Гужавина Ю. В. Субсидиарная ответственность учредителя по долгам юридического лица / Н. А. Антонова // Инновационная наука. — 2017. — № 3. — С. 94—95.
9. Гутников О. В. Субсидиарная ответственность в законодательстве о юридических лицах: вопросы правового регулирования и юридическая природа / О. В. Гутников // Право. Журнал высшей школы экономики. — 2018. — № 3. — С. 45—77.
10. Гололобов Д. В. Акционерное общество против акционера: противодействие корпоративному шантажу, 2-е изд., стереотип. / Д. В. Гутников. — М.: Юстицинформ, 2004. 311 с.
11. Смирнова И. А. Актуальные вопросы правового регулирования статуса и ответственности органов юридического лица / И. А. Смирнова // М.: Труды института государства и права Российской академии наук, 2012. С. 5—16.

АВТОРСКОЕ ПРАВО И СМЕЖНЫЕ ПРАВА

Особенности правового обеспечения и защиты товарного знака профессионального футбольного клуба

Губайдуллин Даниил Маратович, студент

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург)

В данной статье рассматриваются особенности правового обеспечения и защиты товарного знака профессионального футбольного клуба. Даются определения видам товарного знака, используемым в футбольной сфере, раскрываются их особенности. Обосновывается важность применения механизмов правовой охраны товарного знака футбольного клуба.

Ключевые слова: международная классификация товаров и услуг, право интеллектуальной собственности, товарный знак, футбольный клуб, эмблема.

The features of legal support to trademark of a professional football club

The article deals with the features of legal support to trademark of a professional football club. The article also defines the concepts of several trademark's types. Special attention is given to the necessity of the application and implementation of legal security to trademark of a football club.

Key words: International Classification of Goods and Services, intellectual property law, trademark, football club, emblem.

Футбол является наиболее масштабным явлением современного спортивного движения, наиболее популярной и динамично развивающейся командной спортивной игрой в мире [1, с. 5]. На сегодняшний день футбол известен в каждом уголке планеты, а эмблемы таких футбольных клубов, как «Барселона», «Реал Мадрид» и «Манчестер Юнайтед» сможет узнать каждый ребенок. Это один из самых зрелищных, непредсказуемых и красочных видов спорта. Ввиду высокой популярности футбол как спорт наиболее развит и в коммерческой сфере. Значительную роль в маркетинговой успешности и доходности конкретного футбольного клуба играет его товарный знак как объект права интеллектуальной собственности, чему и посвящено данное исследование.

Согласно п. 1 ст. 1477 Гражданского кодекса РФ [2] (далее — ГК РФ) под товарным знаком понимается обозначение (изобразительное, комбинированное, звуковое, словесное или иное), служащее для индивидуализации товаров юридических лиц или индивидуальных предпринимателей. Правовое регулирование товарного знака в РФ осуществляется частью четвертой ГК РФ, где определены общие положения о товарном знаке, а также локальными актами Федеральной службы по интеллектуальной собственности (Роспатент) и Министерства экономического развития РФ, посредством которых реализуется механизм

регистрации и правовой охраны товарного знака как объекта права интеллектуальной собственности.

Так, реализуя свое право на охрану индивидуализирующих признаков, ведущие футбольные клубы регистрируют сразу несколько видов товарных знаков:

1. Словесный товарный знак. Это обозначение, состоящее только из букв, слов или словосочетаний, изображенных с помощью специального шрифта в цветном или черно-белом варианте и не имеющее графических элементов. Например, футбольный клуб из итальянского Турина «Ювентус» зарегистрировал на международном уровне товарный знак № 651907 (приоритет от 7 ноября 1997 г.) [3, с. 288], представляющий собой словесное обозначение, содержащее наименование команды, выполненное латинскими буквами в черно-белом цвете.

2. Изобразительный товарный знак. В его основе лежит рисунок, графическое или фотографическое изображение. В футболе чаще всего такие товарные знаки именуются эмблемами. В частности, сведения из патента РФ № 547534 (приоритет от 30 ноября 1998 г.) [4], обладателем которого является известнейшая команда — московский «Спартак», придает правовую охрану эмблеме клуба, которая характеризуется:

- композиционным построением в виде горизонтально ориентированного ромба, вытянутого по большей диагонали;

- оформлением ромба по периметру рамкой из двух узких цветных полос: красной и белой;
- выполнением фона, состоящего из трех одинаковых частей, имеющих форму параллелограммов, ориентированных параллельно боковым сторонам ромба слева направо вверх;
- выполнением средней части фона белого цвета, боковых частей — красного;
- наличием в центре ромба буквы «С» белого цвета;
- выполнением буквы «С» рисованным шрифтом с расширенными средними частями и контурной обводкой.

3. Комбинированный товарный знак. Включает как текстовые, так и графические элементы. Именно данный вид в теории дизайна называют логотипом. К примеру, международный товарный знак № 865293 (приоритет от 30 сентября 2004 г.) [3, с. 289], зарегистрированный за футбольным клубом «Челси», представляет собой комбинированное обозначение, содержащее герб и наименование футбольного клуба.

Представляется, что футбольные клубы могут также регистрировать за собой право использования звуковых и объемных товарных знаков, например, маскотов, гимнов, девизов, фанатских речевок. Однако такая практика на сегодняшний день является менее распространенной ввиду низкой коммерческой эффективности и доходности для футбольных клубов.

Правовому обеспечению и охране товарного знака содействует использование Международной классификации товаров и услуг [5] (далее — МКТУ), которая, в свою очередь, упрощает порядок подготовки и составления заявок на регистрацию товарного знака, а также способствует единообразию правового регулирования товарного знака в гражданском обороте.

Регистрируя свои товарные знаки, футбольные клубы также заявляют перечень классов МКТУ, в которых должна предоставляться охрана их товарному знаку, а, соответственно, обозначают сферы, где они планируют осуществлять реализацию товаров и предоставлять услуги под своим брендом. Следует отметить, что, согласно практике

Роспатента, регистрация товарного знака футбольного клуба осуществляется по широкому кругу классов МКТУ, по многим из которых даже не усматривается ассоциативная связь с деятельностью футбольного клуба и со спортом в целом. Подобные действия со стороны клубов могут повлечь нарушение прав других производителей. Подобные прецеденты уже имеют место в судебной практике на сегодняшний день.

Например, футбольный клуб «Кубань», в 2005 г. зарегистрировавший свой товарный знак в отношении почти всех групп товаров по МКТУ, в конце 2016 г. утратил права размещать его на товарах 29-го (мясо, рыба, птица, овощи и фрукты консервированные, варенье, компоты) и 30-го классов (сахар, рис, мука и зерновые продукты, хлебобулочные изделия) МКТУ. Рассмотрев дело, в котором ФК «Кубань» выступило ответчиком, Суд по интеллектуальным правам вынес решение о досрочной отмене государственной охраны товарного знака в отношении этих классов товаров, руководствуясь п. 1 ст. 1486 ГК РФ. Основанием для вынесения данного решения стало неиспользование товарного знака в коммерческой деятельности более трех лет, а также доказанная заинтересованность заявителя, компании «Кубань-Ти», занимающейся производством и переработкой овощей, а также расфасовкой чая.

Подводя итог, необходимо подчеркнуть, что средства индивидуализации футбольных клубов подлежат регистрации и правовой охране в соответствии с общими требованиями законодательства РФ о товарных знаках. Профессиональные футбольные клубы активно пользуются своим правом регистрации товарных знаков, приобретая патенты на словесные обозначения, изображения (эмблемы), а также комбинированные товарные знаки (логотипы). Важно отметить, что широкое использование товарных знаков в различных категориях играет для профессионального футбольного клуба значительную роль не только в коммерческом отношении, создавая дополнительную графу доходов, но и для поддержания имиджа футбольного клуба как одного из представителей самого популярного и востребованного вида спорта в мире.

Литература:

1. Алексеев, С. В. Футбольное право: учеб. для вузов / отв. ред. П. В. Крашенинников. — М.: Юнити-Дана, 2015. — 879 с.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 29.12.2017) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32; Собрание законодательства Российской Федерации. — 2018. — № 2.
3. Дашян, М. С. Интеллектуальная собственность в бизнесе: изобретение, товарный знак, ноу-хау, фирменный бренд. / М. С. Дашян. — М.: ЭКСМО, 2010. — 360 с.
4. Товарный знак и знак обслуживания Футбольного Клуба «Спартак Москва» // Интернет-сайт Федеральной службы по интеллектуальной собственности. — URL: http://www1.fips.ru/fips_serv1/fips_servlet?DB=RUTM&DocNumber=547534&TypeFile=html (дата обращения: 11.11.2018).
5. Международная классификация товаров и услуг. Одиннадцатая редакция. — М., 2017.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Роль переводчика в уголовном процессе

Коптуров Архат Махаббатович, курсант
Военный университет Министерства обороны РФ (г. Москва)

Согласно статистике Генеральной прокуратуры Российской Федерации за январь — ноябрь 2018 г. иностранными гражданами и лицами без гражданства на территории России совершено 35892 преступлений [1], в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства зарегистрировано 14547 преступлений [2]. Это очень большие цифры официальной статистики, и они подчёркивают актуальность рассматриваемой проблематики.

Что же такое перевод? Согласно толковому словарю С. И. Ожегова [3, 939 с.] «перевод — текст, переведённый с одного языка на другой». По своей сути перевод становится средством общения людей тогда, когда они ввиду каких-либо причин не понимают друг друга из-за не владения одним языком либо в силу невозможности воспроизведения звуковой речи. Существуют разные формы обмена мыслями: устная или письменная речь (языковая форма), а также ещё одна форма общения людей — жестомимическая или дактильная речь.

Переводчик — лицо, привлекаемое к участию в уголовном судопроизводстве в случаях, предусмотренных УПК РФ [4], свободно владеющее языком, знание которого необходимо для перевода. Следовательно, для того, чтобы лицо приобрело статус переводчика, необходимо, чтобы оно одновременно соответствовало двум критериям:

- 1) было привлечено к участию в производстве по уголовному делу в качестве переводчика;
- 2) свободно владело необходимым для перевода языком.

При этом лицо должно знать и язык, на котором общается участник, и язык, на котором осуществляется производство по уголовному делу.

Исходя из ч. 4 ст. 47 УПК РФ обвиняемый вправе давать показания и объясняться на родном языке или языке, которым он владеет, а также пользоваться помощью переводчика бесплатно.

Кроме того, согласно ст. 18 УПК РФ процессуальные документы, подлежащие обязательному вручению подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему и другим участникам процесса, не владеющим языком судопроизводства, подлежат переводу на тот язык, которым они владеют [5, с. 109].

Согласно ч. 3 ст. 59 УПК РФ переводчик вправе:

- 1) задавать вопросы участникам уголовного судопроизводства в целях уточнения перевода;

- 2) знакомиться с протоколом следственного действия, в котором он участвовал, а также с протоколом судебного заседания и делать замечания по поводу правильности записи перевода, подлежащие занесению в протокол;

- 3) приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, прокурора и суда, ограничивающие его права.

Согласно ч. 4 ст. 59 УПК РФ переводчик не вправе:

- 1) осуществлять заведомо неправильный перевод;
- 2) разглашать данные предварительного расследования, ставшие ему известными в связи с участием в производстве по уголовному делу в качестве переводчика, если он был об этом заранее предупреждён в порядке, установленном ст. 161 УПК РФ;
- 3) уклоняться от явки по вызовам дознавателя, следователя или в суд.

Исходя из прав переводчика, указанных в законе, становится ясной важность той роли, которую законодатель уготовил переводчику в уголовном процессе.

Также нельзя не отметить наличие уголовной ответственности переводчика за заведомо неправильный перевод и разглашение данных предварительного расследования (ст. 307 и 310 УК РФ [6]).

Как показывает отечественная судебная практика, желательнее, чтобы у переводчика было специальное лингвистическое образование, однако законом такое требование не установлено.

Согласно постановлению Европейского суда по правам человека от 24 сентября 2002 г. по делу «Кускани (Cuscani) против Соединённого Королевства» (жалоба N 32771/96) [7] отсутствие переводчика на слушании о назначении наказания нарушает подпункт «е» пункта 3 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод [8]. Получается, что переводчик должен быть профессионалом.

Считаю необходимым привести к единому знаменателю разную практику привлечения переводчика к уголовному процессу, определить обязательное правило, что переводчик должен быть компетентным лицом, более того, быть именно профессионалом. В силу вышеуказанных причин выступаю с законодательной инициативой — в ч. 1

ст. 59 УПК РФ заменить слово «свободно» на слово «профессионально» и изложить в следующей редакции: «Переводчик — лицо, привлекаемое к участию в уголовном судопроизводстве в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, профессионально владеющее языком, знание которого необходимо для перевода.

В соответствии с ч. 9 постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 31 октября 1995 г. N 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» [9] (ред. от 3.03.2015): «В ч. 2 ст. 26 Конституции Российской Федерации закреплено право каждого на пользование родным языком. В силу указанной конституционной нормы, а также в соответствии с положениями ч. 2 ст. 9 ГПК РФ [10], ч. 2 ст. 18 УПК РФ, ч. 2 ст. 24.2 КоАП РФ [11] суд обязан разъяснить и обеспечить участвующим в деле лицам право делать заявления, давать

объяснения и показания, заявлять ходатайства, подавать жалобы и выступать в суде на родном языке или другом языке, которым они владеют, а также пользоваться услугами переводчика». Следовательно, не предоставление подсудимому, не владеющему языком судопроизводства, права пользоваться помощью переводчика Верховный Суд Российской Федерации относит к числу существенных нарушений уголовно-процессуального закона.

Таким образом, переводчик в уголовном процессе обеспечивает соблюдение установленного международными и отечественными нормативно-правовыми актами права на пользование родным языком, бесплатную помощь переводчика. В том числе благодаря его деятельности реализуются такие принципы уголовного судопроизводства как состязательность, гласность, обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту. Именно поэтому значение переводчика в уголовном процессе столь высоко.

Литература:

1. Портал правовой информации Генеральной прокуратуры Российской Федерации: количество преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства за январь — ноябрь 2018 г. — URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 29.12.2018).
2. Портал правовой информации Генеральной прокуратуры Российской Федерации: зарегистрировано преступлений в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства за январь — ноябрь 2018 г. — URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 29.12.2018).
3. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова — 4-е изд., доп. — М.: Азбуковник, 1999. — 939 с.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 29.07.18.) // Российская газета. — 2001. — 22 декабря.
5. Бобров В. К., Бекетов М. Ю., Волынская О. В. Уголовно-процессуальное право (уголовный процесс): учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / В. К. Бобров, М. Ю. Бекетов, О. В. Волынская и др., ред. А. В. Ендольцева, О. В. Химичева, Е. Н. Клещина — М., ЮНИТА-ДАНА: Закон и право, 2014. — С. 109.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ (ред. от 12.11.18) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 25. — ст. 2954.
7. Постановление Европейского Суда по правам человека от 24 сентября 2002 г. Дело «Кускани против Соединенного Королевства» [Cuscani — United Kingdom] (Жалоба N 32771/96) (IV Секция) (извлечение) — URL: <http://base.garant.ru/59672092/#ixzz5b2SdPBEf>
8. Конвенция о защите прав и свобод человека (Рим, 4 ноября 1950 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 2. — Ст. 163.
9. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 года № 8 (ред. от 3.03.15) «О практике назначения судами уголовного наказания» // Российская газета. — 1995. — 28 декабря.
10. Гражданско-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 3.08.18) // Российская газета. — 2002. — 20 ноября.
11. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 28.11.18) // Российская газета. — 2001. — 31 декабря.

Полномочия прокурора при отказе в возбуждении уголовного дела

Кузнецов Андрей Александрович, студент магистратуры
Вятский государственный университет (г. Киров)

Перманентный характер изменений процессуального положения прокурора объясняется попытками оптимизировать объём полномочий данного должностного лица и окончательно определиться с его ролью.

Но так ли это на самом деле? Почему в литературе мы всё чаще встречаем статьи, в которых прямо указывают на возврат к предыдущему положению вещей? Почему практические работники и сам генеральный прокурор РФ заявляют о необходимости пересмотра отдельных законодательных актов, касающихся их компетенции?

Ответ на вопрос о процессуальном положении прокурора в российском уголовном судопроизводстве остаётся открытым вот уже долгие годы.

Научная и практическая значимость данной работы состоит в тщательном изучении текущего процессуального статуса прокурора, содержания, роли и значения его деятельности, анализе проблем взаимодействия прокурора с поднадзорными субъектами на предмет достаточности предоставленного законодательством полномочий на стадии возбуждения/отказа в возбуждении уголовного дела и выявления путей их решения, возможности использования выводов при совершенствовании уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: *уголовный процесс, прокурор, возбуждение уголовного дела, следователь, следственный орган, УПК, надзор, преступление.*

Прокурор — должностное лицо органов прокуратуры, осуществляющее надзор за соблюдением законов. Данный субъект постоянно находится «под прицелом» как законодателя, постоянно стремящегося к новеллам, так и научных работников, старающихся обосновать плюсы и минусы его текущего положения.

29 октября 2008 г. на заседании Государственной Думы Российской Федерации в своём докладе генеральный прокурор Российской Федерации Чайка Ю. Я. отметил: «...изменения уголовно-процессуального законодательства, произошедшие в прошлом году, повлекли за собой значительное сокращение надзорных полномочий прокуратуры на досудебной стадии уголовного судопроизводства. В этих условиях прокурорам стало сложно добиваться от органов следствия неукоснительного соблюдения законности при расследовании уголовных дел, в том числе и о коррупционных преступлениях. В этой связи принципиально важно восстановить баланс полномочий прокуратуры и органов следствия. Необходимо наделить прокурора правами, которые бы позволили осуществлять действенный процессуальный надзор, добиваться неукоснительного соблюдения законов всеми участниками уголовного судопроизводства. Любая обязанность должна быть подкреплена полномочиями — это аксиома. И мы надеемся на Ваше понимание имеющихся проблем и их решение» [11].

Если мы исходим из того, что этап возбуждения уголовного дела — это своеобразный «фильтр» для процессуальной деятельности уполномоченных лиц, то этап отказа в возбуждении уголовного дела будет служить в качестве препятствия для появления уголовного дела.

Обращаясь к опыту зарубежных стран континентальной правовой системы, можно выделить интересующие нас полномочия прокурора характерные для данного этапа.

Так, например, во французском уголовном процессе полиция осуществляет только дознание под контролем прокурора, не будучи при этом обязана непременно установить лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого. По окончании дознания материалы дела ложатся на стол прокурора, который *решает вопрос о возбуждении уголовного преследования (дела) или об отказе в его возбуждении*, причем дело может быть возбуждено в том числе в отношении неустановленного лица. В последнем случае, а также по всем опасным преступлениям (независимо от установления подозреваемого) прокурор, возбуждая дело, передает его не в суд, а следственному судье для производства предварительного следствия.

Данное полномочие как никакое другое характеризует прокурора как субъекта уголовного преследования.

Обращаясь к германскому уголовному процессу, реформированному в 1974 г., в целом его сущность заключается в том, что расследование в Германии имеет полицейско-прокурорскую природу — полиция собирает доказательства, а прокурор на их основании принимает процессуальные решения.

Опять же, прокурор является той самой фигурой, которая руководит процессом расследования. Все важные действия проходят его оценку и именно он выносит решения по ним.

На примере этих двух стран мы можем четко наблюдать как прокурор занимает положение, которое позволяет ему быть субъектом уголовного преследования, осуществлять властные полномочия, в отличие от нашего уголовного процесса, в котором как нам кажется прокурор все более утрачивает свою силу относительно стадии возбуждения уголовного дела.

Как на этапе возбуждения уголовного дела имеются поводы и основания, так и на этапе отказа в возбуждении

уголовного дела имеются основания, по которым уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное уголовное дело подлежит прекращению.

Снова касаясь законодательной техники, следует поднять вопрос целесообразности помещения данных оснований из раздела VII в отдельную норму в отличие от поводов для возбуждения уголовного дела.

Опираясь на мнение Головки Л. В. [1, с.611], основания отказа в возбуждении уголовного дела условно можно поделить на 2 категории:

1) отсутствие данных, указывающих на признаки преступления

Сюда будут относиться отсутствие события преступления и состава преступления в деянии (п.1,2 ч.1 ст. 24 УПК РФ)

2) формальные препятствия

К ним относятся: истечение сроков давности уголовного преследования (п.3 ч.1 ст. 24 УПК РФ); смерть лица, подлежащего уголовному преследованию (п.4 ч.1 ст. 24 УПК РФ) отсутствие заявления потерпевшего по делам частного и частно-публичного обвинения (п.5 ч.1 ст. 24 УПК РФ), наличие неотмененного приговора суда или постановления органа расследования о прекращении (об отказе в возбуждении) уголовного дела по тому же обвинению (п.4, 5 ч.1 ст. 27 УПК РФ) и другие обстоятельства, предусмотренные ст. 24 и 27 УПК РФ.

Компетентное должностное лицо обязано отказать в возбуждении уголовного дела, если в ходе следственной проверки не установлены основания для возбуждения уголовного дела или установлены обстоятельства, исключающие дальнейшее движение дела. Такое решение принимается в форме постановления, в котором должны содержаться сведения о том, когда, где и каким должностным лицом оно вынесено, какие обстоятельства установлены в ходе проведенной следственной проверки, мотивировка и обоснование принятого решения. В резолютивной части постановления должно содержаться указание на конкретное основание для отказа в возбуждении уголовного дела.

Анализ правоприменительной практики показал, что во многих случаях соблюдение конституционных прав граждан на доступ к правосудию не обеспечивается при принятии процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела. По-прежнему допускается значительное количество нарушений уголовно-процессуального законодательства. [2] Проведенный анализ причин нарушений показал, что допускаемые нарушения связаны с некачественным и неполным сбором материалов, что обусловлено недостаточной квалификацией отдельных сотрудников и руководителей, в том числе в связи с незнанием действующего законодательства, низким уровнем исполнительской дисциплины и контроля со стороны непосредственных руководителей за принятием обоснованных решений, недостаточной оценкой собранных материалов и выходным контролем таких материалов в целом, а в ряде

случаев прямое игнорирование требований действующего законодательства и ведомственных нормативно-правовых актов, как исполнителями, так и руководителями ОВД.

В качестве примера можно привести постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием состава преступления, вынесенное начальником органа дознания ОП № 4 УМВД России по г. Кирову В., по результатам следственной проверки по обращению Щ. о факте мошеннических действий в отношении нее неустановленным лицом.

Прокуратурой района данное постановление было отменено по причине незаконности и необоснованности ввиду неполноты проведенной проверки. Так, Щ. не была опрошена по факту перевода денежных средств, не было установлено местонахождение лица, получившего денежные средства, не были приобщены к материалу судебное решение и ответ на запрос по информации о месте получения перевода денежных средств.

По общему правилу решение об отказе в возбуждении уголовного дела следователь, дознаватель принимает самостоятельно, что гарантирует самостоятельность в проведении следственной проверки и выборе принимаемого итогового процессуального решения. Исключением является обязанность следователя согласовывать решение об отказе в возбуждении уголовного дела с руководителем следственного органа в случае, когда такое постановление выносится по результатам проверки мотивированного постановления прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного следствия для решения вопроса об уголовном преследовании (ч. 1¹ ст. 148 УПК), введенная Федеральным законом от 28 декабря 2010 года № 404-ФЗ.

И данная новелла законодателя сразу находит коллизию. Как совершенно справедливо отмечается «... чтобы не согласиться с «мотивированным» постановлением прокурора, в котором содержится решение вопроса о возбуждении уголовного преследования, следователю достаточно получить согласие руководителя следственного органа. А ведь неисполнение постановления прокурора означает фактическую его отмену, на что полномочий у следователя и руководителя следственного органа нет. Пункт 6 ч.2 ст. 37 УПК РФ устанавливает, что в ходе досудебного производства по уголовному делу отменять незаконные и необоснованные постановления прокурора может только вышестоящий прокурор. Налицо законодательные несоответствия». [3, с.72]

Часть 6 ст. 148 УПК РФ устанавливает различный порядок реагирования прокурора на процессуально оформленные действия дознавателя и следователя, что также вызывает на практике некие неопределенности. Постановление органа дознания, дознавателя об отказе в возбуждении уголовного дела отменяется прокурором путем вынесения соответствующего постановления без ограничений по срокам его вынесения. Прокурор направляет постановление начальнику органа дознания с указаниями, устанавливая срок их исполнения.

Иной порядок предусмотрен для отмены прокурором постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, вынесенного руководителем следственного органа, следователем. Признав такой отказ незаконным или необоснованным, прокурор в срок не позднее пяти суток с момента получения материалов проверки сообщения о преступлении отменяет постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, о чем выносит мотивированное (ч.4 ст. 7 УПК РФ определяет что постановления прокурора должны быть законными, обоснованными и мотивированными, в связи с чем возникает вопрос об излишнем употреблении данного термина) постановление с изложением конкретных обстоятельств, подлежащих дополнительной проверке, которое вместе с указанными материалами незамедлительно направляет руководителю следственного органа.

При этом остаётся вопрос: в какие сроки должна быть проведена дополнительная проверка и на основании каких норм прокурор будет их устанавливать?

В связи со сложившейся ситуацией наиболее рациональной представляется оценка положения прокурора как субъекта надзора в отношении органов следствия, изложенная Головкин Л. В.:

«Оценивая положительно наличие у прокурора полномочий по отмене незаконных и необоснованных постановлений следователя об отказе в возбуждении уголовного дела, вызывает сомнение целесообразность установления конкретного срока принятия такого решения — в течение пяти суток с момента получения материалов проверки сообщения о преступлении. Сведения о незаконности постановления могут стать прокурору известны и после истечения указанного срока, например, по результатам проверки жалобы участника процесса. Однако на «шестые сутки» незаконное изначально постановление следователя не становится «законным». Остаётся открытым также вопрос о возможности вышестоящего прокурора по истечении установленного пятисуточного срока отменить незаконное постановление следователя после того, как оно оставлено без отмены нижестоящим прокурором. До момента проверки уголовного дела в вышестоящей прокуратуре, например, по жалобе участника процесса, может пройти значительное время, так как первоначальный ответ на жалобу будет дан нижестоящим прокурором. Своеобразное «вступление в силу» постановления следователя, что предусматривает возможность его отмены по истечении какого-либо срока, ограничивает не только возможность прокурора принять эффективные меры по устранению нарушений закона, но и реализацию установленного ст. 6 УПК РФ назначения уголовного судопроизводства, которым в том числе является защита законных прав и интересов лиц, потерпевших от преступлений. Полагаем, что установление уголовно-процессуальным законом какого-либо срока для отмены прокурором незаконных и необоснованных постановлений следователя, препятствующих дальнейшему движению уголовного дела, доступу потерпевшего к правосудию,

недопустимо. Такие сроки должны устанавливаться правовыми актами Генеральной прокуратуры РФ и иметь исключительно организационную цель. Нарушение подобных сроков может повлечь дисциплинарную ответственность конкретного прокурора, но не процессуальные последствия в виде невозможности для прокурора устранить выявленные нарушения закона. Кроме того, для руководителя следственного органа предельный срок принятия решения об отмене незаконного постановления следователя в УПК РФ не предусмотрен». [1, с.618–619]

Как известно, на практике руководители следственных органов чаще всего выносят указания по проведению следственных действий лишь обозначая крайнюю временную точку, т. е., например, «выполнить указанное поручение до ... (дата)». При этом совершенно очевидно, что подобные поручения, указания носят внутриведомственный характер и практически не регулируются законодательством, в связи с чем возникает проблема для правоприменителей.

И без всякого сомнения в практической деятельности сотрудников прокуратуры отмечается растущая проблема возможности и допустимости неоднократной отмены процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела.

В своей статье действующий сотрудник старший помощник прокурора Исмаилов Ч. М. совершенно справедливо отмечает, что «... практика неоднократных отмен свидетельствует об ущемлении прав лиц, в отношении которых было принято такое решение, в силу неопределенности ситуации «возобновления проверки» и о нарушениях сроков проверки. Под видом дополнительной проверки, по сути, ведется «расследование», направленное большей частью на исключение признаков преступления. И объясняется это тем, что возбуждение уголовного дела, по материалам проверки по которому прокурор отменил решение об отказе в возбуждении уголовного дела, является скрытым преступлением...» [4, с.168].

Обращаясь к статистике 2016 года, можно выявить, что при надзоре за исполнением законов на досудебной стадии уголовного судопроизводства прокурорами отменены 2 494 172 постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, что составляет на 0,9% меньше по сравнению с предыдущим 2015 годом [5].

По результатам исследования правоприменительной практики на территории Кировской области за 2016 год наблюдается следующее: из отказных материалов возбуждено 1408 уголовных дел, из которых по инициативе прокуратуры — 1003. При отмене постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, вынесенных дознавателями, возбуждено 673 (47,8% уголовных дела, следователями — 530 (37,6%), оперуполномоченными уголовного розыска — 89 (7,5%), участковыми уполномоченными полиции — 58 (4,1%), оперуполномоченными ЭБиПК — 49 (3,5%).

Из-за низкого качества проведения доследственных проверок прокурорами районов отменено 7318 постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела с последующим

направлением их на дополнительную проверку, т. е. каждое восьмое постановление (по ПФО и по России — каждое 5) [2].

Тем самым снова проводя проверку органы предварительного расследования обеспечивают сами себя излишними объёмами работы, что никак не может сказаться на оплате их труда. А ведь именно экономическая составляющая, в частности, экономия бюджетных средств, в последнее время очень актуальна.

Верно замечено в юридической литературе, что распространённый характер носит порочная практика принятия органами предварительного расследования решений об отказе в возбуждении уголовного дела по надуманным, реально не существующим основаниям, т. е. принятие незаконных процессуальных решений [6, с.49].

Так, при наличии очевидных признаков преступления МО МВД России «Становляновский» Липецкой области вопреки пояснениям пострадавшего и свидетелей сделан вывод о травмировании вследствие неосторожности и отказано в возбуждении уголовного дела по сообщению П. о причинении ее сыну вдавленного перелома лобной пазухи. Прокуратурой незаконное решение отменено. Виновный в избиении сына заявителя подвергнут уголовному преследованию по ст. 112 УК РФ.

Тем самым, статистические данные, изложенные ранее, свидетельствуют о необходимости пересмотра полномочий прокурора по уголовному преследованию и надзору.

После принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела следователь (дознатель) обязан направить заявителю и прокурору копию постановления в течение 24 часов с момента его вынесения (ч. 4 ст. 148 УПК РФ). Исполнение этого требования обеспечивает не только оперативность принятия мер реагирования прокурором, но и возможное обжалование постановления заявителем (в том числе в порядке ст. 124 УПК РФ).

И снова в практике появляется проблема, когда уголовно-процессуальным законом не установлен срок предоставления прокурору «отказных» материалов. Это задевает один из основополагающих принципов уголовного судопроизводства о разумном сроке, закрепленный в ст. 61 УПК РФ.

Как правильно отмечает Исмаилов Ч. М., «сложность заключается в том, что после принятия решения материал проверяется руководителем следственного органа, после чего направляется в вышестоящий орган ведомственного контроля, и на каждом уровне контроля не исключено принятие решения об отмене ранее принятого решения, причем такой цикл может повториться неоднократно» [4, с.169].

Еще одним требующим внимания случаем является Приказ Следственного комитета РФ от 15 января 2011 г. № 1 «Об организации процессуального контроля в Следственном комитете РФ». Пункт 1.6 данного приказа гласит: «При несогласии с решением прокурора принимать меры к его обжалованию в установленном законом порядке» [7].

Данный момент интересен в силу его неисполнимости. На недопустимость обжалования следователем и руководителем следственного органа постановлений прокурора об отмене постановления следователя об отказе в возбуждении уголовного дела обращали внимание Б. В. Доржиев и В. В. Горюнов. По их мнению, законом не предусмотрена процедура обжалования рассматриваемых постановлений прокурора, в силу этого они окончательны и отвечают требованиям императивности, поэтому промедление в возобновлении проверки является незаконным [8, С.14–18].

Разумеется, на практике подобные случаи имелись, но лица, которые обращались с заявлениями к вышестоящему прокурору или в суд всё же выступали в качестве самостоятельных субъектов уголовного судопроизводства, пусть и с инициативы следственных органов. А если мы говорим об обжаловании действий прокурора в порядке ст. 123–125 УПК РФ, то здесь тем более законом никак не оговорены органы следствия в качестве заявителей, так как в данном случае речь идет о лицах чьи права были нарушены, либо им был причинен ущерб, либо процессуальные действия и принимаемые решения затрагивают их интересы. Органы следствия никак не могут быть заинтересованы в исходе, поскольку это является противоречием положению, зафиксированному в ч.2 ст. 61 УПК РФ об обстоятельствах, исключающих участие в производстве по уголовному делу.

Учитывая полномочие руководителя следственного органа по отмене (утверждению) постановления следователя об отказе в возбуждении уголовного дела, следует обратить внимание на предположение, высказанное Исмаиловым Ч. М.:

«С учетом полномочий руководителей следственных органов, являющихся органами ведомственного процессуального контроля, по отмене незаконных постановлений следователя об отказе в возбуждении уголовного дела представляется допустимым наделить прокурора полномочиями по возбуждению уголовного дела в связи с отменой им постановления следователя. Кроме того, хотя прокурор и отменяет незаконное постановление следователя, по сути, оно является «совместным» документом следственного органа как прошедшее процедуру проверки в подразделениях ведомственного контроля. Независимый от ведомственных влияний прокурорский надзор должен не только обращать внимание органов следствия на допущенные нарушения, отменяя незаконное постановление следователя, но и устранять нарушения радикальным образом — путем возбуждения дела. В противном случае, не обладая полномочиями по радикальному устранению нарушений закона, прокурорский надзор выглядит как придаток ведомственного контроля» [4, с.171].

В нашем случае данная точка зрения выглядит не совсем целесообразной поскольку при вынесении постановления об отказе в возбуждении уголовного дела следователь в первую очередь направляет прокурору копию данного постановления и только после того как прокурор отменит

постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, оно придет к руководителю следственного органа. Нет уверенности в том, что руководитель непременно отменит постановление следователя до получения его прокурором. И в таком случае появится двойственность решений, дублирование полномочий, что нежелательно.

Тем не менее вне зависимости от субъекта принятия решения об отмене постановления об отказе в возбуждении уголовного дела необходимо учитывать позицию Конституционного Суда РФ, согласно которой недопустимым является его произвольная и многократная отмена по одному и тому же основанию (в том числе по причине неполноты проведенной проверки) [9].

В определении от 23.09.2010 № 1125-О-О Конституционный Суд РФ указал, что нормы статей 7, 11 144–145, 148 УПК РФ в их системном единстве не предполагают принятия необоснованного решения об отказе в возбуждении уголовного дела, напротив, они прямо предусматривают обязанность следователя выносить по результатам рассмотрения сообщения о преступлении мотивированное постановление, а также право заявителя на обжалование принятого по результатам рассмотрения решения [10].

Исходя из этого, орган расследования должен добросовестно исполнить свои обязанности, что в принципе и подразумевается под их деятельностью. При правильной организации форм взаимодействия между прокурором и органами предварительного следствия можно будет говорить о реализации уголовно значимых целей, а также о реальной возможности защиты прав лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство. И поэтому неоднократную отмену постановлений об отказе в возбуждении уголовного следует ограничить при внесении соответствующих изменений в уголовно-процессуальное законодательство.

В связи с этим снова обратимся к мнению Исмаилова Ч. М.: «Представляется, что в законе должны быть предусмотрены нормы, согласно которым органы ведомственного процессуального контроля могут отменить необоснованные решения, в том числе и неоднократно, в рамках предельных процессуальных сроков проверки сообщения о преступлении, — 30 суток (ч. 3 ст. 144 УПК РФ). По истечении указанных сроков материалы для проверки должны быть представлены прокурору незамедлительно. Наделение при этом прокурора полномочиями по возбуждению уголовного дела в связи с отменой состоявшегося процессуального решения послужит дополнительной гарантией защиты прав участников процессуальной

проверки сообщения о преступлении (безвестном исчезновении). При таком подходе разрешится и проблема сроков представления материалов проверки, а не только постановления, как это предусмотрено в ч. 4 ст. 148 УПК РФ» [4, с.173].

Подобная точка зрения максимально конкретно описывает предполагаемый процесс построения отношений между прокурором и следователем, который является наиболее проблематичным и недостаточно сформулированным законодателем.

Систематизируя актуальное законодательство, теоретические положения, научные подходы, реальную внутреннюю и международную правоприменительную практику относительно разрешения проблем, связанных с фигурой прокурора в данной стадии, можно отметить, что в целом всё складывается к тому, чтобы пересмотреть данный прокурору инструментарий в сторону увеличения и ужесточения полномочий.

Возвращение прокурору полномочия на возбуждение уголовного дела, равенство процессуального руководства в отношении дознания и следствия, замена абстрактных норм, регулирующих процессуальные сроки, конкретными, формирование полномочий исходя из федеральных, а не ведомственных нормативно-правовых актов — лишь малая часть предлагаемых изменений.

С нашей точки зрения необходимо внести следующее изменение:

Внести в ч. 6 ст. 148 УПК РФ дополнение, устанавливающее конкретный срок рассмотрения руководителями следственных органов постановлений прокурора о направлении материалов для решения вопроса об отмене признанных им незаконными или необоснованными постановлений следователей об отказе в возбуждении уголовного дела, а именно 5 суток.

Благодаря данным изменениям и пересмотру положения прокурора в стадии возбуждения уголовного дела, можно добиться значительного улучшения качества проведения доследственных проверок, уменьшения количества правонарушений, как уголовных, так и уголовно-процессуальных, со стороны правоохранительных органов и должным образом обеспечить реально действующую защиту прав и законных интересов граждан, которая будет обеспечивать их доступ к правосудию. В связи с этим можно будет ожидать более доверительного отношения к правоохранительной системе государства и повышения её статуса среди населения, необходимого при построении правового государства и гражданского общества.

Литература:

1. Курс уголовного процесса / Под ред. д. ю. н., проф. Л. В. Головки. — 2-е изд., испр. — М.: Статут, 2017.
2. Общие сведения о состоянии преступности в России за 2011–2016 гг. Официальный сайт МВД РФ. [Электронный ресурс] <http://mvd.ru/presscenter/statistics>.
3. Миронова А. В., Селедников О. Н., Кокора Л. В. Проблемы досудебного производства по УПК РФ: Материалы круглого стола. — Руза: Московский областной филиал Московского университета МВД России, 2012.

4. Исмаилов Ч. М. Оптимизация полномочий прокурора в стадии возбуждения уголовного дела // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 3 (64)
5. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь-декабрь 2016 г. [Электронный ресурс] https://genproc.gov.ru/upload/iblock/3d4/0112_2016.xls
6. См.: Шадрин В. С. Судьба стадии возбуждения уголовного дела // Законность. 2015. № 1.
7. Приказ Следственного комитета РФ от 15 января 2011 г. № 1 «Об организации процессуального контроля в Следственном комитете РФ» [Электронный ресурс] <http://sledcom.ru/document/1063360/>
8. См.: Доржиев Б. В., Горюнов В. В. Статус Следственного комитета и новые полномочия прокурора // Законность. 2011. № 11.
9. См. Определение Конституционного Суда РФ от 24 декабря 2013 г. № 1936-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Осиповой Ирины Валентиновны на нарушение ее конституционных прав частью шестой статьи 148 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // [Электронный ресурс] <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=ARB; n=374097>.
10. См. Определение Конституционного Суда РФ от 23.09.2010 N 1125-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Карелина Михаила Юрьевича на нарушение его конституционных прав частями первой и третьей статьи 144, пунктом 2 части первой статьи 145 и частью первой статьи 148 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // [Электронный ресурс] <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=ARB; n=162088#0>
11. Чайка Ю. В. Доклад на заседании Государственной Думы 29.10.2008 [Электронный ресурс] <http://genproc.gov.ru/genprokuror/appearances/document-488/>

Сравнительный анализ института присяжных заседателей в США и России

Лучинин Иван Игоревич, студент;

Дорошков Владимир Васильевич, доктор юридических наук, профессор

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

В статье рассматривается проблема сравнительно-сопоставительного анализа института судов присяжных в России и Соединенных Штатах Америки. Важно отметить, что ключевым отличием отечественной системы является недавнее зарождение, какой мы ее наблюдаем на сегодняшний день в рамках судов присяжных Российской Федерации. В статье рассматриваются также англо-американская модель формирования судов присяжных как прототип общемировой практики.

Ключевые слова: суд присяжные, Россия, США, суд, судебная практика, судебная система.

The article deals with the problem of comparative analysis of the Institute of jury trials in Russia and the United States of America. It is important to note that the key difference between the domestic system is the recent emergence, as we see it today in the framework of the jury of the Russian Federation. The article also considers the Anglo-American model of formation of jury courts as a prototype of global practice.

Keywords: jury trial, Russia, USA, court, judicial practice, judicial system.

В современной юридической литературе считается, что суд присяжных заседателей зародился в Англии на рубеже 14–14 вв. Формально моментом его возникновения можно считать Кларендонскую ассизу 1166 г. Генриха II Плантагенета. Появление данной формы судопроизводства обуславливалось разрушением институтов феодального общества, когда на смену сословным судам, где отправление правосудия осуществлялось господствующим классом, пришли присяжные — независимые граждане.

Понятие этой формы отправления правосудия основано на принципе политического равенства судей и ответчика. Граждане начали определять виновность или невиновность в таком же, как они, гражданине. В средневековой

Англии, где жюри основывалось и управлялось, в то время Королевская власть была ограничена присутствием независимых городов, а также имением сильного политического влияния городских состояний, этот суд позволил создавать элементы соперничающего типа уголовного процесса, и участие жюри обеспечило некоторый контроль общества над процессом.

Не случайно именно в Англии еще в 17 в. был сформулирован принцип, согласно которому «недостаточно знать, что правосудие есть, необходимо видеть, что оно осуществляется».

Общепринято, что это англосаксонская правовая система дала начало классической модели суда присяжных.

Поэтому для некоторых стран, традиционным является жюри английского образца, и для стран с континентальной системой — суд смешанной модели, например, суд шеффенов, который был сформирован при Карле Великом, и к 1871 г. этот суд был введён повсюду на территории немецкой империи.

Следует отметить, что классической моделью суда присяжных является именно англо-американская (англо-саксонская) модель, которая возникла в Англии. Затем она была транспортирована на американский континент, где и получила собственные характерные черты, которые отличали ее от непосредственно английского формата суда присяжных. Но, тем не менее, американская модель обладает схожими чертами с английской системой судопроизводства при участии присяжных заседателей.

В англо-американском типе уголовного процесса, вовлекающего присяжных заседателей, дело слушается совместно профессиональным судьей и независимым составом присяжных, который включает до 12 человек. Присяжные заседатели — судьи факта. Они независимо решают главный вопрос случая: «действительно ли ответчик виновен?». Вердикт (решение) о вине или невиновности человека, который находится в доке, выносится жюри независимо. Тогда профессиональный судья на основе вердикта жюри выносит приговор обличительный или оправдательный. В этом случае к приговору суда можно обратиться только на процедурных основаниях.

Практика рассмотрения уголовных дел жюри показала, что наиболее широко распространено данное судопроизводство в Соединенных Штатах, где больше чем 120 тысяч судебных разбирательств ежегодно проводятся с участием присяжных заседателей (это — почти 90 % всех таких процессов в мире).

Нормативная база рассмотрения случаев с участием присяжных заседателей в США: Конституция США, Закон о суде присяжных США и Закон о выборах и работе суда присяжных 1968 г.

При этом существуют некоторые особенности суда присяжных в каждом штате, однако функции их одинаковы. Наличие различий объясняется тем, что в США сложилась двойная система судов: федерации и штатов. Федеральные суды имеют единые правила судебного производства, а в отдельных штатах выделяются особенности порядка комплектования Большого и Малого жюри, количественного состава присяжных, правил ведения судебного процесса и т. п.

Согласно решению Верховного суда США 1968 г., если обвиняемому может быть назначено лишение свободы сроком более шести месяцев, то рассмотрение дела с участием суда присяжных является правом обвиняемого [2, с. 63].

Присяжные заседатели избираются на основе всеобщих выборов, и в связи с этим создается специальная комиссия из трех американских граждан. Присяжные заседатели в США должны отвечать следующим требованиям, а именно:

- быть гражданином США, в возрасте не моложе 18 лет;
- проживать на территории юридического округа не менее одного года;
- быть грамотным, понимать и разговаривать на английском языке;
- быть психически вменяемым человеком;
- не иметь уголовного преследования или наказания;
- не быть лишенным гражданских прав.

Согласно законодательству, три категории людей не могут быть избраны участниками федеральной службы присяжных: члены вооруженных сил в действительной военной службе; члены профессиональной пожарной службы и полицейских управлений»; государственные служащие «федерального, государственного или местного органа власти, кто активно вовлечен в исполнение общественных обязанностей».

В США формируется состав Большого и Малого жюри из списка кандидатов в присяжные заседатели. Большое жюри обычно включает в себя от 16 до 23 человек. Состав Большого жюри устанавливается тем судом, при котором формируется. Членами Большого жюри могут стать люди в возрасте от 18 до 65 лет. Также при формировании следует учитывать расовый фактор — число представителей европеоидной и негроидной расы должно быть примерно одинаковым. Задача Большого жюри заключается в том, чтобы определить обоснованность привлечения лица к уголовной ответственности и утвердить либо опровергнуть обвинительный акт прокурора (атторнея). Большое жюри играет немаловажную роль при защите граждан от необоснованного обвинения и блокировании любого безосновательного уголовного преследования [1, с. 15].

Судебное разбирательство в суде присяжных США традиционно состоит из следующих последовательных стадий:

- объявление подсудимому содержания обвинительного акта Большого жюри; выяснение отношения подсудимого к обвинению; формирование жюри присяжных (Малое жюри);
- судебное следствие;
- прения сторон;
- напутственное слово судьи присяжным; вынесение вердикта присяжными; определение меры наказания и постановления приговора.

Слушание дела осуществляется с участием Малого жюри из 12 человек, выбранных в результате согласования стороны защиты и обвинения из списка кандидатов в присяжные заседатели.

Перед началом судебного разбирательства в Консультативной комнате каждый присяжный заседатель имеет собственное мнение по этому делу, но в конце концов весь состав Малого жюри должен прийти к единому решению. В Консультативной комнате присяжные должны принять решение на основании которого вынесут вердикт о виновности или невиновности лица. Федеральные и государственные суды в 45 штатах требуют, чтобы присяжные

единогласно приняли вердикт, а в остальных штатах требуется лишь большинство. Приговор должен быть записан и зачитан председательствующим членом жюри в открытом суде в присутствии судьи и осужденного. Каждый из присяжных должен подтвердить правильность того, что записано в записи. Как только присяжные вынесли обвинительный вердикт, суд налагает штраф одновременно. А в случае обвинительного вердикта присяжных о преступлении, наказуемом смертью, суд принимает решение о наказании только после заслушивания доказательств на отдельном заседании [6, с. 49].

История института присяжных в России восходит к эпохе Екатерины II. Предложение о введении суда присяжных в России было впервые представлено Екатерине великим русским ученым-юристом С. Е. Десницким в начале работы законодательной комиссии 1767 г. Однако, жюри было внедрено в российскую судебную систему только во время судебной реформы Александра II в 1864 г. Одним из основных аргументов против введения суда присяжных было наличие специальных знаний для разрешения уголовных дел.

С принятием Декрета о суде № 1 в 1917 году институт присяжных заседателей в России был упразднен и в течение всей истории Советской России не был внедрён обратно. Только в начале 1990-х годов концепция судебной реформы и соответствующие законодательные акты отразили стремление либеральных адвокатов перенести на российскую землю основные правовые принципы и правовые институты западноевропейской цивилизации. Судебная реформа заключалась в том, чтобы отделить судебную систему от структуры исполнительной власти и превратить ее в самостоятельную и влиятельную силу, независимую от законодательной и исполнительной ветвей власти. Однако были провозглашены только общие принципы концепции судебной реформы: необходимость введения принципа неустрашимости судей, восстановления присяжных заседателей, института магистратов, судебного контроля за законностью содержания под стражей, отказа от ведомственных показателей эффективности деятельности судов и правоохранительных органов, обеспечение доступа к правосудию и юридической помощи. Механизм реализации концепции во многих отношениях традиционно носил русский характер — благодаря созданию параллельных институциональных структур, существование которых немедленно противодействовало влиятельным бюрократическим организациям, которые не хотели отказываться от преобладания исполнительных органов в решении вопросов правопорядка [5, с. 85].

В настоящее время согласно п.2 ч.2 ст. 30 УПК РФ и п.1 ч.3 ст. 31 УПК РФ по ходатайству обвиняемого

судья федерального суда общей юрисдикции и коллегия из двенадцати присяжных заседателей рассматривают только дела о тяжких и особо тяжких преступлениях, которые прямо предусмотрены в указанных статьях. К таким преступлениям относятся, в частности, квалифицированные составы убийства, похищения человека, изнасилования, захват заложника, бандитизм, диверсия и некоторые другие [4, с. 18].

Полномочия присяжных заседателей в Российской Федерации ограничены. Согласно ст. 334 и ст. 299 УК РФ, присяжные заседатели уполномочены разрешать только следующие вопросы:

- доказано ли, что был акт, в котором обвиняется ответчик;
- доказано ли, что действие было совершено ответчиком;
- виновен ли ответчик в преступлении;
- заслуживает ли ответчик снисхождения.

Вопрос о том, насколько использование института суда присяжных заседателей (или альтернативно, суда присяжных) должно иметь место в России, является дискуссионным.

В действующем законодательстве необходимо предусмотреть возможность участия присяжных заседателей в гораздо более широкой категории дел, особенно преступлений против личности, в сфере экономики, против общественной безопасности и порядка. В частности, необходимо, чтобы обвиняемый имел право на рассмотрение дела судом присяжных не только по квалифицированным составам убийства, но и вообще по любому составу убийства. Кроме того, суд присяжных в России требует определенной модернизации [3, с. 5].

В целом, опираясь на отечественный опыт можно говорить о том, что присяжные заседатели, не являющиеся специалистами в области юриспруденции, часто иначе по сравнению с профессиональными участниками понимают происходящее в зале суда, ориентируются не на объективные критерии, а на субъективные представления и стереотипы.

Подводя итог, можно говорить о том, что отечественное процессуальное законодательство базировалось на опыте и практике дореволюционного суда присяжных заседателей. Данный аспект выражается положениями относительно исправления вердикта, а точнее, в случае неясности или неточности в ответах присяжных заседателей суд обращает их к новому совещанию. Более того, отечественный институт присяжных заседателей нуждается в строгом и последовательном процессе институционализации, как и в других постсоветских государствах.

Литература:

1. Белозерова И. И., Санеев С. О. Историко-правовой анализ института суда присяжных в англосаксонской правовой семье и России // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriko-pravovoy-analiz-instituta-suda-prisyazhnyh-v-anglosaksonskoy-pravovoy-semie-i-rossii>

2. Валова Екатерина Валерьевна, Нагих Сергей Иванович Суд присяжных в американской системе правосудия // Успехи в химии и химической технологии. 2014. № 7 (156). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sud-prisyazhnyh-v-amerikanskoj-sisteme-pravosudiya>
3. Ермакова И. В. Теоретико-исторический анализ становления института суда присяжных в России // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 4 (20). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoretiko-istoricheskiy-analiz-stanovleniya-instituta-suda-prisyazhnyh-v-rossii>
4. Мартышкин Василий Николаевич Суд присяжных в России: Перспективы реформирования // Евразийская адвокатура. 2015. № 2 (15). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sud-prisyazhnyh-v-rossii-perspektivy-reformirovaniya-1>
5. Масловская Е. В. Суд присяжных в современной России: юридический дискурс и социологический анализ // Вестник ННГУ. 2013. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sud-prisyazhnyh-v-sovremennoy-rossii-yuridicheskiy-diskurs-i-sotsiologicheskiy-analiz>
6. Цыганенко Сергей Станиславович, Верещак Александр Николаевич, Ларионов Алексей Николаевич Суд присяжных: история и современность // JER. 2014. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sud-prisyazhnyh-istoriya-i-sovremennost>

Перспективы примирительной формы разрешения уголовных дел

Половникова Ирина Игоревна, студент магистратуры
Вятский государственный университет (г. Киров)

Институт примирения сторон играет большую роль в уголовно-процессуальном законодательстве. В практической деятельности систематически появляются вопросы относительно прекращения уголовных дел в результате примирения. В статье раскрываются некоторые теоретические аспекты расширения возможности применения примирительных процедур в российском уголовном судопроизводстве, предлагаются варианты введения элементов медиации в уголовно-процессуальный закон.

Ключевые слова: примирительные процедуры; восстановительное правосудие; медиация; альтернативное урегулирование споров в уголовном процессе; целесообразность уголовного судопроизводства.

Общепринятым выступает положение о том, что лицо, совершившее преступное деяние, обязано понести уголовную ответственность, претерпеть меры государственного принуждения. Однако, государство заинтересовано, чтобы успешная защита правопорядка обеспечивалась при условии разумной, целесообразной экономии уголовной репрессии. Эта позиция реализуется в законодательных нормах, предусматривающих освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим [4, с. 208].

Целью примирительной формы в уголовном процессе выступает разрешение конфликта с помощью восстановления законных и взаимоприемлемых правоотношений между обвиняемым и потерпевшим, когда обвиняемым осознается вина, он приносит извинения потерпевшему и заглаживает причиненный вред. Потерпевший, со своей стороны, удовлетворен данными действиями и претензий к обвиняемому не имеет.

Законное применение примирительной формы в уголовном процессе может быть действенным механизмом при обеспечении прав и интересов потерпевшего. Кроме того, разрешение дела с помощью примирения содействует предотвращению огласки преступного деяния, которая чревата для обеих сторон.

Институт примирения призван обеспечить потерпевшему активную роль в разрешении существующего конфликта. Степень его заинтересованности в исходе уголовного дела, в частности, в осуждении обвиняемого, может быть разнообразна. Так, потерпевший не всегда желает, чтобы виновный был осужден и понес уголовное наказание. Вследствие чего, примирительная форма дает потерпевшему возможность сформулировать собственную позицию относительно разрешения уголовного дела.

Усиление роли потерпевшего в уголовном процессе, бесспорно, следует признать положительным моментом. В тоже время, не следует исключать вероятность злоупотреблений со стороны потерпевшего относительно достаточности компенсации причиненного ему вреда. Вместе с тем, лицо, совершившее преступное деяние, в целях освобождения от уголовной ответственности может заставить потерпевшего признать нанесенный ему вред заглаженным в полном объеме, хотя в реальности этого не произошло. В результате можно вести речь и о вероятности злоупотреблений виновным при отсутствии посредничества управомоченных органов в вопросах примирения сторон уголовного дела [7, с. 233].

Вопрос относительно примирения самостоятельно решается потерпевшим и виновным, без посредников.

Органы, предварительного расследования, суд только фиксируют то, что примирение состоялось.

В зарубежных государствах существуют три варианта применения посредничества в рамках уголовного процесса:

- во-первых, медиация в рамках компетенции органов государства, как правило, прокуратуры (к примеру, в Германии);
- во-вторых, делегированная модель медиации, которая предполагает деятельность независимого посредника, принимающего участие в примирении сторон (в Англии, США);
- в-третьих, смешанная модель, которая предполагает проведение медиативных процедур с помощью представителей государства (как правило, прокурором), так и с помощью независимого посредника (в Бельгии, Франции) [6, с. 158].

Л. В. Головкин отмечает возможность рассмотрения в качестве примиряющей стороны либо само лицо, ведущее производство по делу, либо предлагает дополнить закон положением, что эти полномочия должны быть отданы независимой общественной организации [5, с. 59].

Я. М. Матвеева считает, что примирение с потерпевшим должно проводиться с участием и органов правоприменения, и независимого посредника. При этом она предлагает положение об освобождении от уголовной ответственности в связи с примирением сделать императивной путем внесения изменений в ст. 76 УК РФ и ст. 25 УПК РФ [6, с. 159].

В п. 20 Рекомендации N R (99) 19 Комитета министров Совета Европы «По посредничеству в уголовных делах» отмечено, что оно должно иметь достаточную автономию,

т. е. субъект который проводит медиативные процедуры, не должен относиться ни к стороне защиты, ни к стороне обвинения [1].

Сама логика альтернативных механизмов судопроизводства требует введения в процедуру уголовно-процессуальной медиации отдельного установленного законом субъекта (не связанного с судебными органами и органами расследования уголовного дела), правомочного содействовать активным действиям сторон по примирению потерпевшего и виновного лица и формулированию юридически значимого решения в виде письменного заключения (медиативного соглашения), где зафиксированы основания для примирения и сам факт примирения [7, с. 234].

Эффективное внедрение медиации в уголовное судопроизводство невозможно без появления такого участника уголовного процесса, как медиатор, с закреплением его процессуального положения, квалификационных и возрастных требований, ограничений, прав и обязанностей в УПК РФ. Представляется, что требования, предъявляемые к медиаторам, осуществляющим свою деятельность на профессиональной основе, предусмотренные ст. 15–16 ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [3], вполне применимы и к медиатору в уголовном судопроизводстве. Процедура примирения и восстановления нарушенного права в рамках уголовного процесса требует по аналогии с примирительными процедурами в гражданско-правовых спорах введения фигуры медиатора — физического лица, уполномоченного на действия по примирению участников уголовно-правового конфликта и фиксации факта примирения.

Литература:

1. Рекомендация N R (99) 19 Комитета министров Совета Европы «По посредничеству в уголовных делах» (Принята 15.09.1999 на 679-м заседании представителей министров) // СПС Консультант Плюс.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 11.10.2018) // Российская газета. N 249, 22.12.2001.
3. Федеральный закон от 27.07.2010 N 193-ФЗ (ред. от 23.07.2013) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Российская газета. N 168, 30.07.2010.
4. Баженов О. Н. Актуальные вопросы законодательного регулирования института примирения: уголовно-правовой и уголовно-процессуальный аспекты // Евразийский юридический журнал. 2018. № 5 (120). С. 208–209.
5. Головкин Л. В. Альтернативы уголовному преследованию: европейская практика и российский уголовно-процессуальный контекст // Вестник восстановительной юстиции. 2003. № 5. С. 59–68.
6. Матвеева Я. М. Делегированная медиация в уголовном праве России: перспективы и предложения // Евразийский юридический журнал. 2015. № 11 (90). С. 158–162.
7. Стерлегова И. Л. Защита прав потерпевшего при применении норм о прекращении уголовных дел в связи с примирением сторон // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2014. № 3 (29). С. 233–237.

Международное противодействие преступлениям против личности, совершаемым с особой жестокостью

Чепкова Татьяна Васильевна, студент магистратуры
Волгоградский государственный университет

В статье анализируется международное законодательство, регулирующее преступления против личности, совершаемые с особой жестокостью. Дан анализ понятий «пытка», «особая жестокость», раскрывающихся в данных международных нормативно-правовых актах. Сформулированы предложения, касающиеся совершенствования использования оценочных категорий в российском уголовном законе.

Ключевые слова: международное законодательство, оценочная категория, особая жестокость, пытка

Проблема жестокого обращения рассматривается на международном уровне достаточно активно и волнует почти все государства мира, в связи с чем, международными органами еще в 20 веке был принят ряд международных актов, запрещающих применение пыток, бесчеловечное обращение, обращение, унижающие достоинство человека.

Одним из первых шагов в данном направлении стало принятие Всеобщей декларации прав человека, которая закрепила право каждого человека на жизнь, свободу и личную неприкосновенность [1], а также Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод [2], регламентирующей, что право на жизнь есть неотъемлемое право каждого человека, которое охраняется законом, в связи с чем никто не может произвольно лишиться жизни.

Декларация о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1975 года [3] и Конвенция ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 года [4] содержит определение понятия «пытка», под которой понимает любое действие, посредством которого человеку намеренно причиняется сильная боль или страдание, физическое или умственное, со стороны официального лица или по его подстрекательству с целью получения от него или от третьего лица информации или признаний, наказания его за действия, которые он совершил или в совершении которых подозревается, или запугивания его или других лиц.

Пытка может быть использована в качестве средства дискриминации по расовому признаку. В случае применения пытки по подобным мотивам, нарушается Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1966 г. [5]. Все сведения применения таких пыток передаются в Комитет по ликвидации расовой дискриминации, который осуществляет надзор над выполнением положений конвенции.

Международные договоры могут применяться для регулирования вопросов, связанных с пытками, бесчеловечным или унижающим достоинство обращением к отдельным наиболее незащищенным слоям населения. Обеспокоенность Совета Безопасности ООН наличием

и распространенностью рассматриваемого негативного явления способствовала принятию на 5916 заседании в 2008 г. Резолюции № 1820, в которой, в частности отмечено, что «все стороны вооруженного конфликта незамедлительно принимают надлежащие меры для защиты гражданских лиц, включая женщин и девочек, от всех форм сексуального насилия [6].

На официальном сайте ООН содержится план действий, направленный на улучшение жизни детей во всем мире. В нем также уделено особое внимание насилию и жестокому обращению с детьми. В статье 41 Плана указано, что «сотни миллионов детей страдают и гибнут в результате войн, насилия, эксплуатации, пренебрежительного отношения и жестокости» [7]. Также отмечено, что многие дети становятся инвалидами и получают тяжелые увечья в результате вооруженных конфликтов. В их отношении осуществляется в широких масштабах незаконная торговля, физическая и сексуальная эксплуатация, которая часто сопровождается причинением телесных повреждений, жестоким обращением. В статье 44 Плана приводится комплекс мер, направленных на предотвращение и недопущение подобных преступлений в отношении детей. Однако, как представляется, работа в данном направлении предстоит достаточно тяжелая и продолжительная. Позитивным моментом в рассматриваемой теме можно назвать не только создание международных актов по проблематике борьбы с преступлениями, совершенными с особой жестокостью, но и создание на международном и местном уровне специализированных органов и учреждений, непосредственными задачами которых, являются профилактика подобных видов насилия и оказание помощи лицам, подвергшимся преступлениям.

Для реализации положений вышеуказанных Конвенций была принята в 1993 году Европейская конвенция по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания [8], которая главным образом посвящена созданию, действию и полномочиям Европейского Комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания. Для эффективной защиты прав и свобод человека и гражданина судам необходимо при рассмотрении уголовных дел, учитывать правовые позиции, которые сформулированы данным Комитетом.

Между тем Римский статут Международного уголовного суда 1998 года дан детализированный перечень преступлений, которые относятся к преступлениям против человечества [9]. К их числу относятся и преступления против личности — убийство и изнасилование, где жизнь и половая неприкосновенность выступают дополнительными объектами. Данный перечень является открытым, ввиду того что п. к ч. 2 ст. 7 регламентирует, что к данным преступлениям относятся и «другие бесчеловечные деяния аналогичного характера, заключающиеся в умышленном причинении сильных страданий или серьезных телесных повреждений, или серьезного ущерба психическому или физическому здоровью». В данном пункте используются такие формулировки, как «бесчеловечные деяния», «сильных страданий», но отсутствует их расшифровка. Представляется, что в данный перечень в ст. 7 Римского статута можно включить и категорию «жестокое обращение», как способ совершения представленных преступлений.

Стоит отметить, что рассмотренные международные акты либо не раскрывают понятий «пытки», «бесчеловечное» обращение, «унижающее достоинство» обращение, либо используют при определении множество оценочных понятий, толкование которым либо не дается компетентными органами, либо ставит под вопрос полноту и определенность данных разъяснений. Между тем международная практика выработала за много лет, определенные положения, позволяющие разграничивать данные категории.

Первым судебным делом, на которое мы можем опираться в рамках разграничения оценочных категорий выступает дело Греции против Великобритании (The Greek

Case», (1969), Yearbook: European Convention on Human Rights No. 12, page 186). В ходе рассмотрения дела Греции, Европейская Комиссия постановила, что отличительной чертой пытки является не только характер и степень жестокости совершенного деяния, но и преследуемая ею цель — получение сведений или вынуждение признания, или в качестве наказания, и, как правило, представляет собой усугубленную форму бесчеловечного обращения. Вид обращения или наказания применяемого к какому-либо лицу считается унижающим его достоинство в том случае, если оно унижает его достоинство в глазах других лиц, или побуждает его к совершению действий против его воли или совести. В этом же судебном деле был рассмотрен вопрос и о «бесчеловечном обращении». Комиссия постановила, что бесчеловечное обращение является таким видом обращения, которым причиняются сильные страдания, моральные или физические, которые в данной ситуации не могут быть оправданы.

Исходя из изложенного, следует сказать, что проблема толкования терминологии, а именно трех основных действий: пытка, бесчеловечное обращение, унижающие достоинство человека, жестокое обращение, существует до настоящего времени и проявляется не только на международном уровне, но и в каждой отдельной стране. В связи с чем следует согласиться с Е. В. Кобзевой, которая предлагает реформировать современный уголовный закон либо путем «отказа от употребления некоторых оценочных признаков, через их исключение из текста закона, либо путем абсолютной конкретизации их содержания», либо «частичной конкретизации оценочных признаков» [10, с. 130].

Литература:

1. Всеобщая Декларация прав человека: принята 10 декабря 1948 г. Генеральной Ассамблеей ООН // Российская газета, 05.04.1995, № 67.
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS N 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.) // СЗ РФ. 1998. № 20. Ст. 2143.
3. Декларация о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания: принята 09.12.1975 Генеральной Ассамблеей ООН. Доступ из Справ. правовой системы «Консультант Плюс».
4. Международная Конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации (Нью-Йорк, 7 марта 1966 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1969. № 25. Ст. 219
5. Резолюция № 1820 (2008): принята Советом Безопасности на его 5916-м заседании от 19 июня 2008 года. Доступ из Справ. правовой системы «Консультант Плюс».
6. Адаптированные для детей Декларация и План действий // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: http://www.un.org/ru/rights/children/world_for_children/plan_of_action_b3.shtml (дата обращения: 17.12.2018).
7. Европейская конвенция по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (ETS N 126): заключена в г. Страсбурге 26.11.1987 (с изм. от 04.11.1993) // СЗ РФ. 1998 г. № 36. Ст. 4465.
8. Руководство по судебной практике относительно пыток и жестокого обращения. Женева, 2002. С. 17.
9. Римский статут Международного уголовного суда: принят в г. Риме 17.07.1998 Дипломатической конференцией полномочных представителей под эгидой ООН по учреждению Международного уголовного суда. Доступ из Справ. правовой системы «Консультант Плюс».
10. Кобзева Е. В. Оценочные признаки в уголовном законе // 20 лет Уголовному кодексу Российской Федерации. Ярославль, 2016. С. 129–135.

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО, ПЕНИТЕНЦИАРИЯ

Социальная реабилитация несовершеннолетних после освобождения из мест лишения свободы

Хрущев Ярослав Владиславович, студент;

Новикова Виктория Дмитриевна, студент

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации

Ключевые слова: социализация, несовершеннолетние, социальная реабилитация, технологии.

Дестабилизация российской экономики, разрушение старой системы ценностей, кризис института семьи, духовности негативно отражается на социальном самочувствии общества в целом. Прежде всего, происходящие процессы оказывают значительное влияние на неокрепшую психику несовершеннолетних, тем самым затрудняя процесс их социализации и усвоения ими социальных норм. Все это не может не указывать на существование в современном обществе факта социально-психологической и экономической депривации детей и подростков.

Рост числа несовершеннолетних лиц с девиантным и делинквентным поведением, проявляющийся в озлобленности, жестокости, асоциальных действиях продолжают вызывать серьезную озабоченность со стороны общественности и сегодня. Так, удельный вес преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии, в 2017 году составил 4,1 % от всех предварительно расследованных преступлений (45288) [1, с. 9], из них порядка 23 % (10238) относятся к категории тяжких и особо тяжких [1, с. 44].

И итоге, несовершеннолетний, попав в уголовную среду и заключение, проходит через ломку своей привычной жизни. Вследствие чего происходит, во-первых, разрушение системы социальных связей и утрата привычного социального статуса; во-вторых, нарушение привычной системы социальной ориентации; в-третьих, снижение способности адекватно оценивать себя, свои действия, действия окружающих и возможность принимать самостоятельные решения [2, с. 35]. Результатом этих негативных процессов после освобождения из мест лишения свободы является формирование у молодого человека чувства растерянности и «ненужности», то есть складывается ситуация «социальной или личностной недостаточности» [2, с. 35], которая может привести в дальнейшем к «разрушению» маленькой человеческой личности.

В таких обстоятельствах, российский законодатель, следуя международной традиции о помощи несовершеннолетним, находящимся в конфликте с законом, в частности

Минимальным стандартным правилам Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) 1985 г. последовательно проводит процесс гуманизации уголовной политики России в отношении несовершеннолетних, направленный на необходимость расширения оснований для применения уголовных наказаний альтернативных лишению свободы [3], а также поиска современных адекватных мер оказания социальной помощи, которые должны носить не карательный, а прежде всего воспитательный, реабилитационный характер, так как подрастающее поколение это будущий потенциал развития страны.

Поэтому, проблема социальной реабилитации несовершеннолетних после освобождения из мест лишения свободы имеет, прежде всего, огромное общественное значение, так как способствует не только снижению числа рецидивов преступлений, а в первую очередь помогает молодым людям вернуться в общество, восстановить «утраченные социальные связи и функции» [4, ст. 26], свой правовой статус.

Так, к несовершеннолетним, находящимся в социально опасном положении, термин «социальная реабилитация» применяется двояко. По мнению О. Б. Белых, «социальная реабилитация» в узком понимании — «это восстановление или компенсация нарушенных социальных функций несовершеннолетнего, иначе говоря, его социального статуса и выполняемых им социальных ролей» [5, с. 170], в широком — это комбинационное применение медико-психолого-педагогических и социально-правовых мер, направленных «на компенсацию дефекта социального отклонения» [5, с. 170].

Иными словами, процесс социальной реабилитации несовершеннолетних после освобождения из мест лишения свободы представляет собой комплексный процесс взаимодействия подростка и общества, который включает в себя, с одной стороны, способ передачи индивиду социального опыта через включение его в систему общественных

отношений, а с другой стороны, процесс индивидуально-личностных изменений. В целом, социальная реабилитация, проводимая государственными, частными и общественными организациями направлена на выход молодого человека в режим самообеспечения и самостоятельной организации своей жизни.

В процессе ее организации подростку необходимо продемонстрировать определённый уровень социальной стабильности, «возможные жизненные перспективы внутри нового социального статуса» [2, с. 36], попытаться сформировать ощущение собственной значимости и ответственности за свою будущую жизнь, стимулировать активную жизненную позицию. Однако, реализовать это не так просто, не только в силу недостаточно развитой системы учреждений социальной реабилитации для лиц, освобожденных после отбывания наказания, недостатка финансирования и профессиональных кадров, а прежде всего в силу специфических особенностей реабилитации несовершеннолетнего, связанных с внутренней незавершенностью процесса его личностного развития; интенсивностью психо-эмоциональных переживаний; недостаточным желанием и возможностями личного участия в реабилитации, связанным в частности с особенностями подросткового поведения: негативизмом, внушаемостью, обостренным чувством независимости; сложными материально-бытовыми проблемами современной семьи и иными факторами [6, с. 16].

Тем не менее, несовершеннолетний после своего освобождения из мест лишения свободы остро нуждается в поддержке и помощи. Проблема вернуться в нормальное жизненное пространство по мнению социальных реабилитологов возникает даже у тех лиц, которые совершили преступление неумышленно.

Психолог О. Ф. Дубова указывает, что социальная реабилитация несовершеннолетних после освобождения из мест лишения свободы сегодня осуществляется, прежде всего, в форме социальной и психологической адаптации. [7, с. 48]. Российский законодатель в ст. 24 ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» указывает на социальную адаптацию как на комплекс мероприятий по содействию в реализации конституционных прав, свобод, а также помощи в трудовом и бытовом устройстве лицам, находящимся в трудной жизненной ситуации. [4].

Несовершеннолетний после освобождения чаще всего ставит перед собой следующие приоритетные задачи собственной адаптации: переосмысление собственной жизни; попытка претворения нового жизненного сценария; стремление приспособиться к изменившимся условиям жизни; изменение привычных стереотипов поведения, сформированных в местах лишения свободы. Однако, при этом он сталкивается и с рядом адаптационных проблем. В обобщенном виде, это проблемы, связанные с созданием внешних условий своей жизнедеятельности, то есть с удовлетворением потребностей в пище, жилье, зарплате, так

и проблемы, связанные с вхождением в новую микросреду: семью и иные социальные группы.

Как правило, все это все это вызывает у несовершеннолетнего нервность, замкнутость, повышает степень духовной изоляции, влечет за собой отчуждение от общества. Воспитательное воздействие на них отбытого наказания незначительно, нормы закона и социальные нормы не становятся регуляторами поведения для освобожденных. И как следствие, устойчивое негативное отношение к социальным ценностям, ощущение враждебности окружающего мира, вероятность рецидива преступлений.

В общем виде, ученые выделяют три периода (этапа) социальной реабилитации:

- адаптационный период, который связан, прежде всего, с решением семейно-бытовых вопросов. Этот этап признается решающим, и это очевидно, так как от него зависит возможность дальнейшей жизни несовершеннолетнего в рамках закона;
- период вхождения в обновленную социально-позитивную роль, связан с освоением нового социального приемлемого поведения. Это требует новых взглядов, знаний, навыков, и может породить стрессовые ситуации у несовершеннолетнего;
- период завершения правовой ресоциализации связан с утверждением в психике бывшего заключенного позитивных навыков, взглядов, желания жить в рамках законодательного и морально-нравственных поля.

Однако, к сожалению, не все бывшие заключенные достигают последнего этапа социальной реабилитации, о чем говорят данные уголовной статистики.

Таким образом, многолетние исследования позволяют выделить следующие факторы, влияющие на процесс социальной реабилитации несовершеннолетних, освобожденных из мест лишения свободы: социальная среда, в которую попадает после освобождения подросток (индивид принимает нормы той микросреды, к которой он пытается примкнуть); личностные особенности освобожденного; индивидуально-психологические свойства освобожденного (темперамент, характер, жизненная позиция); характер прошлой преступной деятельности и ряд других факторов.

В зависимости от характера личностных или социальных проблем данной категории несовершеннолетних и определенных задач, применяются следующие виды социальной реабилитации:

- социально-медицинская реабилитация — направлена на сохранение и укрепление здоровья, «восстановление физиологических функций, ... активизацию компенсаторных возможностей организма» [5, с. 170] с целью возвращения к самостоятельной жизни (лечение, организация комфортной среды жизнедеятельности и т. п.);
- социально-психологическая реабилитация — комплекс мероприятий, направленный на повышение уровня психологического и психического здоровья

несовершеннолетнего, выявления внутренних возможностей личности, оптимизации межгрупповых связей и отношений, психологическая коррекция;

- социально-педагогическая реабилитация — направлена на решение задач «педагогической запущенности» лиц и связана с повышением образовательного и интеллектуального уровня ребенка, формирования системы ценностных ориентаций (индивидуальные занятия, организация специализированных классов, дополнительное образование и т. п.);
- социально-трудовая реабилитация — направлена на формирование новых и восстановление утраченных трудовых навыков и умений, необходимых как в настоящей жизни, так и для будущей профессиональной деятельности (эффективность технологий связана с соблюдением ряда требований к труду подростков: разнообразие, доступность, посильность, целенаправленность, результативность и систематичность) [8, с. 61];
- социально-средовая реабилитация — направлена на восстановление у несовершеннолетнего чувства социальной значимости внутри новой для него социальной среды (знакомство с основными характеристиками новой среды, коррекция системы средовых отношений; помощь в организации повседневной жизни);
- социально-правовая реабилитация — направлена на приведение процессов жизнедеятельности молодого человека в соответствии с нормами права (юридическая защита интересов ребенка, правовое просвещение и контроль).

Каждый указанный вид социальной реабилитации определяет порядок и меры практической реализации, которые, однако, подчиняются единому ряду основополагающих принципов: своевременность и поэтапность, системность и комплексность, последовательность и непрерывность; индивидуальность и конфиденциальность; личная ответственность и доступность.

Повышение эффективности процессов социальной реабилитации несовершеннолетних, освобожденных из мест лишения свободы, достигается посредством ее технологии, направленной, прежде всего, на создание условий по раскрытию и реализации способностей детей и подростков, социальную адаптацию к существующим условиям жизнедеятельности, гармонизацию отношений с социальным окружением, оказание экстренной психолого-педагогической и правовой помощи.

Так, сегодня, в практике социальной реабилитации несовершеннолетних применяют следующие технологии: психолого-педагогическая коррекция, обучение навыкам самообслуживания, здоровьесберегающие технологии, интенсивная семейная терапия, социально-правовое сопровождение, профилактика употребления психоактивных

веществ, оздоровление и отдых, стабилизация межличностных отношений, профориентация и трудовая реабилитация. Высокую эффективность показали и такие технологии социального воздействия, как оценочные, релаксационные, тренинговые, коммуникативные, тьюторские и патронажные и др. [8, с. 59].

Из всего представленного операционного разнообразия социальной реабилитации детей и подростков особое место, на наш взгляд, занимают программно-целевые технологии, позволяющие расширить реабилитационное пространство. Так, применение технологии государственного софинансирования программ и проектов субъектов РФ по программе Фонда «Не оступись» и «Дружественное детям правосудие» по направлению деятельности «Социальная реабилитация детей, находящихся в конфликте с законом, профилактика преступности несовершеннолетних, в том числе повторной» способствует как активизации работы по социализации и реабилитации детей, находящихся в конфликте с законом, так и развитию региональной политики защиты прав детей [9].

Заслуживает внимание и опыт ряда регионов в аспекте оказания помощи несовершеннолетним, освобожденным из мест лишения свободы. Так, например, в Амурской области функционируют межведомственные консилиумы специалистов по работе с обозначенной категорией несовершеннолетних, закреплена технология «Куратор случая», создана «Служба пробации»; в Волгоградской области — Служба социально-психологического сопровождения освобождающихся и освобожденных несовершеннолетних «Отражение»; Омская область — реализуется проект «Социальная гостиница» для несовершеннолетних в возрасте 14–17 лет, находящихся в трудной жизненной ситуации, в Республике Башкортостан — функционирует для несовершеннолетних, освобождающихся из мест лишения свободы «Мобильный центр занятости», Саратовская область — созданы «Социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних «Возвращение», ООО «Свободные люди» и т.п. [9].

В заключении хочется отметить, что социальная реабилитация несовершеннолетних в постпенитенциарный период в современном российском обществе приобретает все большую актуальность и становится одним из условий социальной безопасности страны. Основной целью обозначенного процесса является содействие в формировании и развитии субъектных способностей молодого человека для преодоления им личной пограничной ситуации, а также достижения независимого образа жизни. Однако, решение данной задачи возможно только при условии комплексных преобразований современного общества, связанных с укреплением правопорядка, выхода страны из социально-экономического кризиса, а также реализации законодательных и практических рекомендаций, направленных на обеспечение реабилитации несовершеннолетних, освобожденных из мест лишения свободы.

Литература:

1. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2017 г. [Электронный ресурс] // Статистический сборник. — М., 2017. — 52 с. URL: <https://genproc.gov.ru/stat/data/1328502> (дата обращения 15.12.2018).
2. Кузнецова, Л. П. Основные технологии социальной работы: Учебное пособие. / Л. П. Кузнецова. — Владивосток: Изд-во ДВГТУ, 2002. — 92 с.
3. Антонян, Е. А. Исполнение наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних [Электронный ресурс] / Е. А. Антонян // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. — 2006. — № 6. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: федер. закон от 23 июня 2016 года N 182-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2016. — № 26. — Ст. 3851.
5. Белых, О. Б. Структурный анализ социальной реабилитации несовершеннолетних [Электронный ресурс] / О. Б. Белых // Вестник Челябинского государственного университета. — 2008. — № 37. — С. 165–172. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strukturnyy-analiz-sotsialnoy-reabilitatsii-nesovershennoletnih> (дата обращения 17.12.2018).
6. Технологии социальной реабилитации несовершеннолетних, реализуемые в учреждениях системы социальной защиты Ханты-Мансийского автономного округа — Югры / авт.сост: А. В. Сутула, Л. Я. Мавлютова. — Сургут: Изд-во бюджетного учреждения Ханты-Мансийского автономного округа — Югры «Методический центр развития социального обслуживания, 2013. — 78 с.
7. Дубова, О. Ф. Адаптация лиц, освобожденных из мест лишения свободы / О. Ф. Дубова // Социальная работа. — 2007. — № 1. — С. 48–53.
8. Белых, О. Б. Технологии социальной работы / О. Б. Белых // Омский научный вестник. — 2008. — N 67. — С. 59–62.
9. О направлении методических рекомендаций: письмо Министерство образования и науки Российской Федерации от 28.07.2016 — № 07–3188 [Электронный ресурс] // Администратор образования. — 2016. — № 20, 21. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Значение Нюрнбергского процесса в развитии прав человека

Самойлова Алина Андреевна, студент

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург)

В данной статье рассматриваются фундаментальные изменения в области борьбы с преступлениями против мира и безопасности человечества, предпосылкой которым послужил Нюрнбергский процесс. Анализируются правовые последствия, выразившиеся в принятии целого ряда международных актов. Обосновывается важность практического воплощения принципов, выработанных Нюрнбергским трибуналом, в современных реалиях XXI века.

Ключевые слова: конвенция, Нюрнбергский процесс, Организация Объединенных Наций, трибунал.

Еще никогда в истории мир не видел такой жестокости по отношению к человеку, как в XX веке. Апогеем этой тенденции стала Вторая мировая война, принесшая огромные материальные и людские потери, но вместе с тем подтолкнувшая человечество к объединению. Во второй половине XX века международное сообщество пришло к выводу о том, что не только в национальном праве государств, но и в международном праве должны быть закреплены императивные нормы по защите основных прав и свобод человека.

Зарождению нового правопорядка в мире в значительной мере способствовал Нюрнбергский процесс, который справедливо называют «Судом истории» [1, с. 321]. Сегодня, спустя более чем 70 лет со дня его начала, отчетливо видно, какую огромную роль он сыграл в историческом, юридическом и общественно-политическом планах.

С точки зрения юридической значимости, Нюрнбергский процесс оказал воздействие на определение вектора развития прав человека. Приговор Международного военного трибунала стал «одним из краеугольных камней современного международного права, одним из его основных принципов», — писал профессор А. И. Полторак, присутствовавший на этом процессе в качестве секретаря делегации СССР [2].

Прежде всего, Нюрнбергский процесс определил новые виды международных преступлений, которые затем прочно вошли в международное право и национальное законодательство многих государств.

Эти преступления нашли свое отражение в Уставе Международного военного трибунала [3] (далее — Устав МВТ), принятом 8 августа 1945 г. и установившем правила и процедуры проведения Нюрнбергского процесса. Данный документ отразил согласованную позицию многих стран и в значительной степени предопределил основные тенденции в развитии прав человека. Принципы Устава МВТ утверждены Генеральной Ассамблеей ООН как общепризнанные в борьбе с преступлениями против человечества.

Как отмечалось, именно в Уставе МВТ были сформулированы нормы о составах тяжчайших международных преступлений — против мира, против человечества, военных преступлений. В соответствии с этими нормами впервые в истории был осуществлен действительно полномасштабный международный судебный процесс.

В соответствии с Уставом МВТ разработан ряд международно-правовых документов в области прав человека, закрепляющих общие обязательства государств по их уважению и обеспечению, разработан ряд международных конвенций, содержащих конкретные нормы по пресечению или предупреждению вышеописанных международных преступлений.

Так, среди международно-правовых документов, направленных на предотвращение агрессии, военных преступлений и преступлений против человечества, в основу которых легли принципы и нормы, сформулированные Нюрнбергским процессом, следует отметить:

1. Всеобщую декларацию прав человека 1948 г. [4];
2. Конвенцию о предупреждении преступлений геноцида и наказании за него 1948 г. [5];
3. Женевские конвенции о защите жертв войны 1949 г. [6];
4. Конвенцию о защите прав человека и основных свобод 1950 г. [7];
5. Конвенцию о защите культурных ценностей в случае международного конфликта 1954 г. [8];
6. Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. [9];
7. Конвенцию о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества 1968 г. [10];
8. Конвенцию о пресечении преступления апартеида и наказании за него 1973 г. [11] и др.

Параллельно с развитием международно-правовой нормативной базы о преступлениях против мира и безопасности человечества в рамках ООН уже многие

годы идет кропотливая работа по кодификации соответствующих норм международного права. Еще в 1974 г. Генеральная Ассамблея ООН поручила в этих целях Комиссии международного права сформулировать принципы международного права, признанные в Уставе МВТ, и составить Проект кодекса о преступлениях против мира и безопасности человечества [12]. Проект был создан, но дальнейшая работа над ним, к сожалению, была фактически прекращена.

Как известно, Нюрнбергский трибунал также стал образцом для целого ряда судебных учреждений, полномочных осуществлять уголовные преследования за совершение международных преступлений против мира и человечества. Это, прежде всего, Токийский трибунал (1946 г.), Международные трибуналы по Югославии (1993 г.), по Руанде (1998 г.), по Сьерра-Леоне (2002 г.), Международный уголовный Суд (1998 г.). Все они в значительной степени опираются на опыт Нюрнбергского процесса. Уставы и Статуты указанных судов в основном исходят из положений Устава и приговора Нюрнбергского трибунала.

Однако надо признать, что практическая реализация принципов Нюрнберга в деятельности упомянутых судов не всегда идет гладко. К сожалению, при учреждении международных трибуналов, подобных Нюрнбергскому, в наши дни зачастую действуют «двойные стандарты», и решающим оказывается не желание найти истинных виновников преступлений против мира и человечества, а определенным образом продемонстрировать свое политическое влияние на международной арене. Так, например, случилось в ходе работы Международного трибунала по Югославии. Чтобы этого не происходило в будущем, требуется политическая воля и сплоченность государств — членов ООН.

Естественно, что Нюрнбергский трибунал не смог решить всех проблем человечества, но без его решений современный мир мог выглядеть менее привлекательным для человека. Процесс в Нюрнберге высветил такие глубинные

проблемы современного общественного развития, как необходимость фундаментальной разработки механизмов по защите прав человека.

Принципы, сформулированные Нюрнбергским трибуналом, и в наши дни очень актуальны. Их соблюдение является важным условием для предупреждения агрессии, недопущения нарушения прав человека. Нынешняя обстановка совершенно иная, но и в современных условиях необходима постоянная высокая бдительность, активная борьба против ущемления прав человека в любых его проявлениях, и здесь уроки Нюрнбергского процесса имеют большое значение и не должны предаваться забвению.

Неслучайно председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин в одном из выступлений отметил, что «в своей практике Конституционный Суд РФ то и дело обращается к международно-правовым актам, нормы и основные положения которых были во многом predeterminedены правовыми позициями, выработанными в ходе Нюрнбергского процесса. Привлекая эти и другие источники международного права к своей аргументации, суд не только придает больший авторитет своим собственным решениям, но и просвещает законодателя, правоприменителя, рядовых граждан, внедряет опробованные мировой практикой принципы и нормы в российскую правовую систему и массовое правовое сознание» [13, с. 3].

Таким образом, эпоха прав человека безусловно началась с Нюрнбергского процесса. Несмотря на то, что в XX веке было принято много международных документов, Военный трибунал в Нюрнберге был самым важным событием в деле защиты прав человека.

Не подлежит сомнению, что в суммарном плане Нюрнбергский процесс, а также подтвержденные, развитые и выработанные в его ходе принципы, стали рубежным историческим этапом новой правовой культуры, дали ощутимый импульс развитию прав человека, открыли мировому сообществу возможность мирного сожительства на пути добрососедства и сотрудничества.

Литература:

1. Галлямова, А. И. Значение Нюрнбергского международного военного трибунала в формировании норм международного уголовного права // Молодой ученый. — 2017. — № 1. — С. 321–324.
2. Шепова, Н. Я. Нюрнбергский трибунал: неотвратимость наказания / Н. Я. Шепова // Военно-промышленный курьер. — URL: <https://vpk-news.ru/articles/3043> (дата обращения: 11.11.2018).
3. Устав Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси (08.08.1945 года, Лондон) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.11.2018).
4. Всеобщая декларация прав человека (10.12.1948 года, Париж) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.11.2018).
5. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (09.12.1948 года, Париж) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.11.2018).
6. Женевские конвенции и протоколы к ним (12.08.1949 года, Женева) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.11.2018).
7. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (04.11.1950 года, Рим) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.11.2018).

8. Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта (04.05.1954 года, Гаага) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.11.2018).
9. Международный пакт о гражданских и политических правах (19.12.1966 года, Нью-Йорк) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.11.2018).
10. Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества (26.11.1968 года, Нью-Йорк) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.11.2018).
11. Конвенция о пресечении преступления апартеида и наказания за него (30.11.1973 года, Нью-Йорк) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.11.2018).
12. Проект кодекса преступлений против мира и безопасности человечества // Официальный Интернет-сайт Организации Объединённых Наций (ООН) в России. — URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/code_of_offences.shtml (дата обращения: 11.11.2018).
13. Зорькин, В. Д. Трибунал-образец / В. Д. Зорькин // Российская газета. — 2011. — № 5479 (103). — С. 2–3.
14. Звягинцев, А. А. В дни Нюрнбергского процесса прокурора Руденко узнал и услышал весь мир / А. А. Звягинцев // Российская газета. — 2007. — № 4424. — С. 16–28.
15. Зенов, В. Е. Значение нюрнбергского процесса для правовой регламентации обеспечения права на защиту в рамках производства по уголовным делам / В. Е. Зенов // Евразийская адвокатура. — Уфа, 2017. — № 3 (28). — С. 18–20.
16. Кошкин, А. А. Почти забытый трибунал / А. А. Кошкин // Парламентская газета. — URL: <https://www.pnp.ru/politics/pochti-zabytyy-tribunal.html> (дата обращения: 19.11.2018).
17. Трикоз, Е. Н. Начало деятельности Международного уголовного суда: состояние и перспективы / Е. Н. Трикоз // Журнал российского права. — 2005. — № 3. — С. 134–147.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Принцип «веляят-е факих» как фундаментальное воплощение духа учения великого аятоллы Хомейни: конституционно-правовая регламентация перехода Ирана от «персидской» к «исламской» монархии

Геворгян Ашот Араевич, студент

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина

В настоящей статье рассматривается стержень государственного строя Исламской Республики Иран — принцип «веляят-е факих» как признак теократического государства, его законодательное закрепление, юридическое и фактическое выражение, значение и сущность в качестве принципа легитимации верховной власти и обеспечения ею духовного руководителя. Также выражаются и сопоставляются мнения сторонников (великий аятолла Хомейни и другие) и противников (великий аятолла Шариатмадари, Абу ал-Касим Хои и другие) введения в Конституцию Исламской Республики Иран указанного принципа. Исследуется тезис зарубежных ученых о «движении от одной монархии к другой», наблюдаются изменения в правовом статусе отдельных категорий лиц, на примере женщин сравнивается объем принадлежащих им прав и свобод. Выражается позиция необходимости революции для сохранения иранской национальной идентичности, но порицается ее форма подчинения общества исламским нормам, в том числе с целью создания совершенного общества справедливости и добра, равенства и благоденствия.

Ключевые слова: веляят-е факих, исламское правление, факих, исламская республика, Исламская революция 1979 года, Конституция Исламской Республики Иран, великий аятолла Хомейни, теократия.

This article deals with the core of the state system of the Islamic Republic of Iran — the principle of «velayat-e fakih» as a sign of theocratic state, its legislative consolidation, legal and actual expression, meaning and essence as a principle of legitimization of the Supreme power and providing it with a spiritual leader. The opinions of supporters (among them are great Ayatollah Khomeini and others) and opponents (among them are great Ayatollah Shariatmadari, Abu al-Qasim Khoi and others) of the introduction of this principle into the Constitution of the Islamic Republic of Iran are compared. The thesis of foreign scientists about «the movement from one monarchy to another» is investigated. It is also observed the changes in the legal status of certain categories of people, for example, it is compared the volume of women's rights and freedom. The position of necessity of revolution for preservation of the Iranian national identity is expressed, however it is rated its form of submission of society to Muslim norms, including the purpose of creation of perfect society of justice and wellness, the equality and prosperity.

Key words: velayat-e faqih, the Islamic rule, the faqih, the Islamic republic, the Islamic revolution of 1979, the Constitution of the Islamic Republic of Iran, Grand Ayatollah Khomeini, the theocracy.

Итогом реформ, проводившихся в Иране с 1963 по 1979 гг., несмотря на благотворность и гуманность намерений Мухаммеда Реза-шаха [2, с. 52], стала Исламская революция 1979 года, основным последствием которого стало принятие Конституции Исламской Республики Иран [1] (далее — Конституции ИРИ).

Как известно, Исламская Республика Иран — одна из немногих реальных теократий. Л. А. Морозова выделяет три характерных признака для теократических государств [3, с. 46]:

1) государственная власть принадлежит церкви, которая имеет статус государственной религии: в случае Исламской Республики Иран — исламскому духовенству, которое считало, что массы верующих

должны свергнуть «власть социального угнетения и заложить основы исламского правления» [4], что, собственно, и привело к революции;

2) религиозные нормы составляют основной источник законодательства и регулируют все сферы частной и публичной жизни: ст. 4 Конституции ИРИ закрепляет необходимость обоснования всех законов и установлений исламскими нормами и приоритетность данной статьи перед другими статьями Конституции ИРИ;

3) глава государства одновременно является высшим священнослужителем или все государственное управление страной находится под контролем верховного священнослужителя. Именно данный

признак и является ключевым в такой форме правления, как исламская республика.

В Конституции ИРИ закреплён принцип «веляят-е факих», который является юридическим и фактическим выражением третьего признака теократического государства по Л. А. Морозовой. Данный принцип — стержень исламской государственности, на основе которой сформирован государственный строй Ирана. Законодательное закрепление веляят-е факих получает ещё в Преамбуле Конституции ИРИ, в тезисах об исламском правлении, где указывается, что данный принцип выдвинул сам «имам» Хомейни.

«Веляят-е факих» («Правление факиха») — так назывался труд великого аятоллы Хомейни, изданный в 1971 году в Наджафе. Факих — это исламский правовед. В данном труде великий аятолла сформулировал свои взгляды и идеи, связанные со способами исламского правления.

Сущность данного принципа заключается в обеспечении верховной властью духовного руководителя. Статья 57 Конституции ИРИ провозглашает принцип разделения властей и одновременно веляят-е факих: «Управление Исламской Республикой Иран осуществляется законодательной, исполнительной и судебной властями, которые функционируют под контролем абсолютного правления имама (веляят-е факих) согласно нижеследующим Статьям Конституции. Указанные власти независимы друг от друга». Возникает вопрос: кто данный имам, которому принадлежит, согласно букве Конституции ИРИ, абсолютное правление, если «абсолютная власть над миром и человеком принадлежит Богу» (ст. 56 Конституции ИРИ)? Данный Имам — Мехди, двенадцатый Имам, который в представлении шиитов-имамитов (двунадесятников) является Мессией, который «придет для укрепления и обновления веры мусульман в дни, предшествующие наступлению дня Страшного суда» [5]. Но, согласно учению Хомейни, факихи — преемники пророка Мухаммеда второй степени, следовательно, все обязательства, возложенные пророком имамам, остаются неизменными и для факихов [4]. Так, ст. 5 Конституции ИРИ закрепляет: «Во время отсутствия Вали-е-Аср (Мехди — А. Г.) (да приблизит Аллах его явление!) в Исламской Республике Иран управление делами правоверных и имамат в исламской умме возлагается на справедливого и набожного, обладающего широким кругозором, смелого и имеющего организаторские способности факиха,»...

Таким образом, фактически абсолютным правителем Исламской Республики Иран является Высший Руководитель. Не является тайной то, что данная должность, закреплённая в Конституции ИРИ верховного и абсолютного правления, создавалась аятоллой Хомейни для себя, а описание факиха в ст. 5 Конституции ИРИ есть не что иное, как видение самого себя. Недаром в одной из своих газетей вождь Исламской революции писал: «Я леял в себе идеал». Кто же тогда будет примером для всей

страны в целом, а в частности для Высшего Руководителя Исламской Республики Иран, если не Он?

Ярым противником введения в Конституцию ИРИ подобного принципа был Абу ал-Касима Хои, который утверждал, что «основными задачами богословов должны быть толкование религиозных догм и популяризация имамитского шиизма» [7, с. 339]. По его мнению, исламские ученые должны сохранять теологическое наследие именно в светском мире.

Наиболее ярым противником был великий аятолла Шариатмадари, который, будучи противником монарха, придерживался концепции, заложенной ещё в шахское время, в соответствии с которым образовывался совет из пяти богословов, в полномочие которого входил контроль утвержденных законов на соответствие шариату и общим принципам ислама.

Не мало иных, не менее видных исламских философов и богословов-противников данных идей закрепления теократической диктатуры. Среди них аятолла Монтазери, аятолла Мехдави-Кяни, шейх Эззаддин Хосейни, А. Соруш и другие.

Не секрет, что принцип «веляят-е факих» — несомненная легитимация власти великого аятоллы Хомейни, который пришел к ней в ходе кровавой Исламской революции 1979 года. В это время в стране в открытую говорили «об особой миссии Хомейни и Исламской революции» [8]. Достаточно деликатно шейх Эззаддин Хосейни упоминал, что получившаяся система государственного устройства — диктатура под оболочкой ислама, а не само исламское правление [9]. При этом он отмечал, что власть, пользуясь авторитетным отношением народа к исламу, действует от имени и именем ислама, подавляя иранский народ, который в силу воспитанности в духе восточных традиций, исламской морали [2, с. 51], покорности улемам, доверяют им, не подозревают последствия вследствие непонимания подобных алчных революционных действий. Таким образом, хомейнисты одновременно сумели положить конец демократическим свободам [7, с. 458], существовавшим ещё во времена шаха, установить теократическую деспотию, утвердиться в системе государственного управления и взять власть в свои руки, причем объявив ее абсолютной.

Не зря зарубежные ученые-востоковеды в научной литературе отмечают, что в иранской политике времен Исламской революции 1979 года наблюдается движение от одной монархии к другой [10]. Действительно, за почти 40 лет Исламской Республики сменилось всего два высших руководителя. Для сравнения — в Исламской Республике Пакистан за то же время сменилось одиннадцать глав государств. Следует задаться вопросом, какие положительные последствия дала обычному иранскому народу данная «перемена монархий»?

Чтобы гуманно и объективно ответить на поставленный вопрос, необходимо рассмотреть изменения в правовом статусе отдельных категорий лиц. Так, например, до Исламской революции 1979 года в Иране активно

распространялись идеи о равенстве мужчин и женщин, причем последние обладали обширными правами, объем которых невозможно сравнить ни с одним из периодов в истории Ирана, в том числе и Персии. После же революции был отменен закон о защите семьи, в котором провозглашался запрет авторитарности мужа и его насилия над женой [11, с. 16]. Следует отметить, что во времена династии Пехлеви женщины начали занимать высокие государственные посты, например, Фарруху Парса возглавляла министерство образования, а во время Исламской революции была расстреляна за свою борьбу за равенство мужчин и женщин [12].

Кроме того, необходимо подчеркнуть, что Иран — многонациональное государство, в котором, как ни странно, нет конституционно-правового закрепления национальных меньшинств. Статья 13 Конституции ИРИ закрепляет лишь религиозные меньшинства иранских зороастрийцев, иудеев и христиан, которые «могут свободно осуществлять свои религиозные обряды в рамках закона и поступать в гражданских делах и в сфере религиозного воспитания согласно своему учению». Таким образом, понятие «меньшинство» употребляется исключительно к религиям, перечень которых является исчерпывающим. Понятие «национальное меньшинство» в Конституции ИРИ не используется, поскольку как таковой этнонациональный вопрос не поднимается ввиду единства иранского народа (ст. 19 Конституции ИРИ), воспитанного в духе солидарных восточных традиций и иранского менталитета.

Статья 8 Конституции ИРИ закрепляет всеобщую обязанность «призыва к добру, проповеди одобряемого и запрещения неодобряемого». В одном из своих выступлений великий аятолла Хомейни пояснил стих из Корана — «О вы, которые уверовали! Повинуйтесь Аллаху, повинуйтесь посланнику Его и обладателям власти среди вас.».. (4:59) [13, с. 136] — следующим образом: «Те «обладатели власти», которые упомянуты тотчас после Бога и Его Посланника в Коране, должны быть близки к Богу и Его Посланнику в своей практике. Они должны быть тенью Бога («когда правитель ислама является выдающейся личностью, о нем говорят как о тени Бога. По определенной традиции так могут называть султана или иного исламского правителя. Великий аятолла Хомейни, обладавший редким даром гностического видения, в своих речах часто пытался разобраться в этом» [14, с. 153]) и Его Посланника. Да, исламский правитель — тень Бога, но под этим подразумевается, что тень сама по себе не движется... Ислам признает то лицо «тенью Бога», которое отказывается от индивидуальной воли в том самом смысле, что оно действует только в соответствии с основами ислама... Посланник Бога (да будет с ним мир и благословение) был действительно настоящей тенью Бога. Но можно ли сказать то же самое о дурном человеке, о шахе?» [14, с. 100–101]. Тем самым видно, как аятолла в открытую, унижая монарха, возвышает сам себя, намекая народу, что именно он — истинная «тень Бога», он тот самый «лелеянный идеал». Не просто

так он не комментировал публикации в видных газетах, в которых после его возвращения из Парижа в Тегеран его называли «имамом», после чего данное «звание» закрепились за ним. Только великий аятолла Шариатмадари указал, что «употребление обращения «имам» в отношении Хомейни некорректно, так как имам для иранцев — это Махди» [7, с. 464].

Является ли данная речь «проповедью одобряемого», или, скорее, она является проповедью «неодобряемого», то есть того, что в соответствии со ст. 8 Конституции ИРИ запрещено? Не следует забывать, что Иран — многоконфессиональное государство, что наряду с исламом шиитского толка государственной защитой обладают и иные конфессии. Так, с позиции Евангелия, которое пользуется немалым уважением в исламском мире, «кто возвышает себя, тот унижен будет, а кто унижает себя, тот возвысится» (Мф. 23:12). Не составит труда понять, что данная речь является проповедью «неодобряемого», то есть запрещенного с точки зрения Конституции ИРИ. При всем своем теологическом аспекте, приведенное выступление имеет в своей основе политический мотив в форме неприязни к шаху и жажды власти.

Некоторые советские и исламские ученые считают, что шиитские улемы «всегда выступают в оппозиции по отношению к любым понятиям о государстве и политической системе, так как признают легитимность лишь за правлением «имамов» (здесь: следует понимать данный термин в значении «факих» — А. Г.). [15, с. 54–55]. Хотя ни один шиитский писатель не делал открытых заявлений, что «монархия сама по себе нелегитимна и что духовенство имеет право управлять государством» [16, с. 20]. В своих сочинениях Ф. Ницше государство называл организованной аморальностью [17, с. 394]. Духовенство должно, как минимум, не представлять государство, хотя бы по данной простой причине. Нельзя духовенству наряду с аморальными «делами» государства (по Ф. Ницше — полиция, уголовное право, сословия, торговля и т. д.) заниматься и пропагандировать религиозную ориентацию людей на постижение Всевышнего.

Значительная часть населения, в том числе люди науки и творчества, вынуждены были эмигрировать, причем бежали они, «спасаясь не от Ислама как такового, а от тирании клерикальной диктатуры, прикрываемой исламскими догмами» [18].

Немаловажным является тот факт, что в основу Конституции ИРИ 1979 года лег и иной, более демократический, но в то же время неплохо соотносящийся в системе теократической деспотии, институт, который не входил в учение Хомейни — институт президентства, который, лишь теоретически незначительно, но ослабил абсолютное правление факиха.

На сегодняшний день, исламизм, сплотивший народ и духовенство в порыве Исламской революции, находится в кризисе [19, с. 72]. По всей видимости, иранское общество имеет великолепные «внутренние резервы»,

помогающие корректно сопротивляется подобной политике духовенства [20], которое во время революции 1979 года старалось в условиях ускоренного передвижения в сторону «ворот цивилизации» [21, с. 23] — греховного Запада — лишь «избавить иранский народ от губительной вестернизации» [19, с. 72] и, тем самым, сохранить национальную идентичность, для чего, собственно, и нашло обоснованное решение в виде подчинения общества исламским нормам с целью создания совершенного общества справедливости и добра, равенства и благоденствия [22, с. 35].

Литература:

1. Конституция Исламской Республики Иран, окончательно утверждена 24 абана 1358 г. (24 зи-ль-хадже 1399 г. по лунной хиджре, что соответствует 15 ноября 1979 г.) на заседании Конституционного собрания большинством в две трети голосов от его общего состава
2. Геворгян А. А. «Белая революция» в Иране как главная причина Исламской революции 1979 года // Публичное право и управление: перспективы развития: материалы I Всероссийской студенческой конференции. — Москва: РГ-Пресс, 2018.
3. Морозова Л. А. Теория государства и права в вопросах и ответах: учеб. пособ. / Л. А. Морозова. — М.: Эксмо, 2009. (Учебный курс: кратко и доступно).
4. Taheri Amir. The Spirit of Allah. Khomeini and the Islamic Revolution. London, 1987.
5. Али-заде А. А. Исламский энциклопедический словарь. — М.: Ансар, 2007. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rulit.me/books/islamskij-enciklopedicheskiy-slovar-read-390442-228.html> (дата обращения: 09.12.2018)
6. Tehrani Bahram (Farbod). Etude sur la situation economique de L'Iran (1975–1985). Khavaran. Paris. I–II, 1986.
7. Алиев С. М. История Ирана XX век / Алиев Салех Мамедоглы; Рос. акад. наук. Ин-т востоковедения. — М.: Ин-т востоковедения РАН: Крафт+, 2004. [Электронный ресурс]. URL: <file:///C:/Users/Dell/Downloads/aliev-sm-istoriya-irana-xx-vek-2004.pdf> (дата обращения: 09.12.2018)
8. Зарифуллин П. Суры Корана в Конституции Ирана. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumilev-center.ru/sury-korana-v-konstitucii-irana/#_ftnref (дата обращения: 09.12.2018)
9. Lambton A. K. S. The Persian Land Reform. Oxford Univ. Press. Oxford, 1977.
10. Keddie N. R. and Hooglund Eric (eds.). The Iranian Revolution and the Islamic Republic (Revised edition). New York: Syracuse University Press, 1986.
11. Mohammadi M. Iranian Women and the Civil Rights Movement in Iran: Feminism Interacted // Journal of International Women's Studies. September, 2007. [Электронный ресурс]. URL: <https://vc.bridgew.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1285&context=jiws> (дата обращения: 09.12.2018)
12. Hansen L. Executed But Not Forgotten: Iran's Farrokhhoo Parsay // National Public Radio. August 23, 2009. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.npr.org/templates/story/story.php?storyId=112150486> (дата обращения: 09.12.2018)
13. Коран. Перевод с арабского и комментариев М. — Н. О. Османова — СПб.: «Издательство «Диля», 2010.
14. Жуков Д. Небо над Ираном Ясное. Очерк политической биографии имама Хомейни. [Электронный ресурс]. URL: <http://nug-org.ru/books/dmitrij-zhukov-imam-homejni-put-k-svobode.pdf> (дата обращения: 09.12.2018)
15. Васильев Л. Ислам: направления, течения, аяты. Оппозиционный ислам, шииты // Азия и Африка сегодня, 1980, № 2.
16. Abrahamian E. Khomeinism: Essays on the Islamic Republic. Berkeley. 1993.
17. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей / Пер. с нем. Е. Герцык и др. — М.: Культурная революция. 2005.
18. Kar M. The invasion of the private sphere in Iran: individual, family, community and state // Iran Chamber Society. 2003. [Электронный ресурс]. URL: http://www.iranchamber.com/society/articles/iinvasion_private_sphere_iran.php (дата обращения: 09.12.2018)
19. Могилёв В. В. Иранское общество и иранское духовенство: специфика отношений, история и перспективы // Вестник Забайкальского государственного университета № 07 (122). 2015.
20. Vaktiari B. Iranian Society: A Surprising Picture // Payvand Iran News. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.payvand.com/news/09/feb/1147.html> (дата обращения 09.12.2018)
21. Хагигат С. С. Мотивы и корни Исламской революции // Исламская революция в Иране: прошлое, настоящее, будущее — сборник статей. М. Институт Востоковедения РАН. 1999.
22. Имам Хомейни — Лидер Всех Эпох. // Отдел публичной дипломатии и прессы Посольства Исламской Республики Иран в Москве [Электронный ресурс]. http://moscow.mfa.ir/uploads/emam_30784.pdf (дата обращения: 20.12.2018).

Научное издание

Государство и право: теория и практика

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственный редактор Е. И. Осянина
Оформление обложки Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета О. В. Майер

Материалы публикуются в авторской редакции.

Подписано в печать 24.01.2019. Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 5,1. Тираж 300 экз.

Издательство «Свое издательство». 199004, г. Санкт-Петербург, линия 4-я В. О., д. 5

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.